

Historia provinciae – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 4. С. 1366–1418
Historia Provinciae – the Journal of Regional History, vol. 6, no. 4 (2022): 1366–1418

Научная статья

УДК 069.01

<https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-7>

Коммеморативные практики музеев памяти: опыт Музея истории ГУЛАГа

Ольга Валерьевна Иванова

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва,
Москва, Россия,
olivan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7994-5688>

Olga V. Ivanova

Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, Russia,
olivan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7994-5688>

Аннотация. Основное внимание автора данной статьи направлено на выявление, анализ и обобщение коммеморативных практик российских музеев памяти в контексте реализации Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. Проблема коммеморации в деятельности российских музеев памяти относится к числу малоизученных, хотя данная группа музеев, представляющих собой институции нового типа, является значительным ресурсом для функционирования коммеморации как социокультурного феномена. Предметом исследования являются коммеморативные практики в экспозиционной, выставочной, образовательной и публичной деятельности Государственного музея истории ГУЛАГа и других музеев памяти, коммеморационный потенциал которых направлен в первую очередь на увековечение памяти жертв политических репрессий. В круг источников, использованных в рамках данной работы, вошли опубликованные материалы о деятельности Ассоциации российских музеев памяти, ежегодные отчеты Фонда памяти и Музея истории ГУЛАГа, статьи газеты «30 октября», а также информационно-аналитическая литература о музейных коммеморативных проектах. Методологическую основу исследования составляют новые познавательные стратегии, сформулированные в концепции «мест памяти» французского историка П. Нора, определявшего места памяти как форму существования коммеморативного сознания в истории.

© Иванова О.В., 2022

© Ivanova O., 2022

В статье делается вывод о том, что музейная коммеморация обладает высоким воспитательным и образовательным потенциалом, реализация которого позволяет решать важные нравственные и социокультурные задачи, стоящие перед обществом.

Ключевые слова: музеи памяти, коммеморативные практики, Музей истории ГУЛАГа, Фонд Памяти, жертвы политических репрессий

Для цитирования: Иванова О.В. Коммеморативные практики музеев памяти: опыт Музея истории ГУЛАГа // *Historia provinciae* – журнал региональной истории. 2022. Т. 6, № 4. С. 1366–1418. <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-7>

Commemorative practices of memorial museums. Experience of the Gulag History Museum

Abstract. The author of this article mainly focuses on identifying, analyzing, and summarizing commemorative practices of Russian memorial museums in the context of the implementation of the State Policy Concept for Perpetuating the Memory of Victims of Political Repression. The problem of commemoration in the activities of Russian memorial museums is among the little-studied issues, although this group of museums, which are institutions of a new type, is a significant resource for the functioning of commemoration as a socio-cultural phenomenon. The subject of the study is commemorative practice in the exposition, exhibition, educational, and public activities of the State Gulag History Museum and other memorial museums, whose commemorative potential is primarily aimed at perpetuating the memory of victims of political repression. The sources used in this work include published materials on the activities of the Association of Memory Museums in Russia, annual reports of the Memory Fund and the Gulag History Museum, articles of the newspaper 30 Oktyabrya, as well as information and analytical literature on museum commemorative projects. The methodological basis of the research includes new cognitive strategies formulated in the concept of the lieux de mémoire or sites of memory of the French historian P. Nora, who defined sites of memory as a form of existence of commemorative consciousness in history. The article concludes that the museum commemoration possesses a high educational and pedagogic potential, the implementation of which makes it possible to solve important moral and socio-cultural tasks that the society is facing.

Keywords: memorial museums, commemorative practices, Gulag History Museum, Memory Fund, victims of political repression

For citation: Ivanova, O.V. “Commemorative practices of memorial museums: Experience of the Gulag History Museum.” *Historia Provinciae – the Journal of Regional History*, vol. 6, no. 4 (2022): 1366–1418, <https://doi.org/10.23859/2587-8344-2022-6-4-7>

Введение

Впервые феномен коммеморации во всем его многообразии проанализировал в начале 1980-х годов французский историк Пьер Нора. Теоретические размышления об этом явлении привели автора концепции «мест памяти» к выводу, что «теперь вся эпоха превращается в

коммеморационную»¹. В российской исторической и культурологической традиции под коммеморацией понимаются акты увековечения памяти какого-либо лица или события, поминовение, празднование годовщины, мемориализация чего-либо с целью сохранения памяти. В мировой историографии данная проблематика разрабатывается в контексте изучения исторической памяти, социокультурной идентичности, массовой культуры, монументальной политики, истории советских политических репрессий в странах бывшего СССР². В работах российских специалистов исследуются также образовательный и воспитательный потенциал коммеморативных практик, их роль в музейной деятельности и в сфере педагогики,

---

¹ *Нора П.* Эра коммемораций // Нора П. и др. Франция – память / перевод с французского Д. Хапаевой. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 95–150.

² *Abram R.J.* Harnessing the power of history // *Museums, society, inequality* / edited by R. Sandell. London: Routledge, 2002. P. 125–141; *Black G.* Museums, memory and history // *Cultural and social history*. 2011. Vol. 8, № 3. P. 415–427; *Bogumił Z.* Stone, cross and mask: Searching for language of commemoration of the Gulag in the Russian Federation // *Polish Sociological Review*. 2012. Vol. 177, № 1. P. 71–90; *Клейтман А.Ю.* «Эпоха коммеморации»: мнемонические основания социокультурной идентичности // *Память и памятники: материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом и Институтом Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона 21 апреля 2011 года* / под редакцией И.И. Куриллы. Волгоград: ВолГУ, 2012. Вып. 3. С. 29–46; *Курилла И.И.* Историческая память и публичная коммеморация // *Память и памятники: материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом и Институтом Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона 21 апреля 2011 года* / под редакцией И.И. Куриллы. Волгоград: ВолГУ, 2012. Вып. 3. С. 4–12; *Макаров А.И.* Феномен памятника в современной культурной ситуации: дисфункция коммеморации // *Память и памятники: материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом и Институтом Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона 21 апреля 2011 года* / под редакцией И.И. Куриллы. Волгоград: ВолГУ, 2012. Вып. 3. С. 19–29; *Fleming D.* Museums, human rights, contested histories and excluded communities. *Museum International*. 2015. Vol. 67, № 1–4. P. 116–124; Реабилитация и память. Отношение к жертвам советских репрессий в странах бывшего СССР / составитель Я. Рачинский. Москва: Звенья, 2016; *Bogumił Z.* Gulag memories: The rediscovery and commemoration of Russia's repressive past. New York; Oxford: Berghahn Books, 2018; *Семенова Г.В., Векилова С.А., Полферова А.С.* Коммеморативные практики и их роль в актуализации исторической памяти человека в современном мире // *Развитие человека в современном мире*. 2019. № 3. С. 41–47; *Comer M.A.* The Heritage of repression: Memory, commemoration, and politics in post-Soviet Russia: Dr thesis in Philos. sci. University of Cambridge, 2019; *Андрющенко И.А., Степанцевич Т.В.* Коммеморативные практики как механизм культурного наследования в условиях массовой культуры // *МедиаВектор*. 2021. Вып. 1. С. 7–12; *Бондарь В.В.* и др. Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы. Москва: Институт наследия, 2022.

анализируется взаимосвязь коммуникативных трендов и коммеморации³. В большинстве работ описываются частные случаи коммеморации, рассматриваются общегосударственные или региональные обряды публичного поминовения (памятные даты, юбилеи) в различных сферах общественной деятельности. Многие авторы сходятся во мнении, что «роль коммеморативных практик в современной культуре еще недостаточно изучена, хотя в этом направлении делается многое»⁴. Такая точка зрения особенно актуальна для музеев памяти, чей коммеморационный потенциал чрезвычайно высок и направлен на увековечение памяти жертв политических репрессий.

Возникновение этой категории музеев исследователи часто связывают с появлением «новой культуры памяти», которая начала складываться в Европе после окончания Второй мировой войны, когда стало широко известно о Холокосте⁵. Проблема сохранения памяти о жертвах тоталитарных режимов, в том числе и путем музейных технологий, актуальна для многих стран. Она нашла отражение в многочисленных работах как зарубежных, так и российских исследователей⁶. Важный пласт литературы посвящен

---

³ Александров А.В. Обращение к коммеморативным практикам в выставочной и образовательной деятельности музея // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сборник статей по материалам XXX международной научно-практической конференции / под редакцией А.И. Гулина. Новосибирск: СибАК, 2013. № 11 (30). С. 13–17; Чуркина Н.И. Коммеморативные практики в российском образовании как метод историко-педагогических исследований // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 6 (33). С. 37–44; Третьякова Е.Ю. А.И. Солженицын на Юге России: памятные места и коммеморативные практики // «Фелицынские чтения (XX)»: Проблемы сохранения, изучения и музеефикации историко-культурного и природного наследия: материалы межрегиональной научно-практической конференции / под редакцией Т.А. Павленко. Краснодар: Вика-Принт, 2018. С. 278–281; Науменко В.Е., Пенкина О.В. Коммеморативные практики музеев Кубани: сохранение исторической памяти // Инновационные технологии в образовательном процессе. Сборник материалов XXI Всероссийской заочной научно-практической конференции. Краснодар: КВВАУЛ, 2020. С. 259–263; Шелегина О.Н. Коммеморативные практики в музеях локальной истории Сибирского региона // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2020. № 3 (39). С. 74–82.

⁴ Шуб М.Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 85.

⁵ Sontag S. Regarding the pain of others. New York: Farrar, Straus and Giroux; Picador, 2003; Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / перевод с немецкого Б. Хлебникова. Москва: Новое литературное обозрение, 2014; Ассман А. Культура памяти // deutschland.de. URL: <https://www.deutschland.de/ru/topic/politika/germania-evropa/kultura-pamati> (дата обращения: 20.06.2022) и др.

⁶ Duffy T.M. Museums of ‘human suffering’ and the struggle for human rights // Museum International. 2001. Vol. 53, № 1. P. 10–16; Флиге И.А. Визуальные образы ГУЛАГа и террора

конкретным российским музеям памяти, таким как «Пермь-36», «Следственная тюрьма НКВД» в Томске, Музей истории ГУЛАГа в Москве и другим. Зачастую источниками для написания таких работ служили собственные наблюдения, впечатления и оценки авторов⁷. Некоторые из этих публикаций потеряли свою актуальность вследствие изменения статуса музеев или их реорганизации⁸.

В постсоветской России вопрос о способах репрезентации «трудного прошлого» в музейном пространстве приобрел особую актуальность в связи с тем, что по мере угасания критического импульса, заданного перестройкой, в обществе явно обозначилось сначала «расстройство памяти», а затем ее «раздробление», то есть, попросту говоря, «памятей оказалось много»⁹. Этот

в музейных экспозициях // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г.) / составители А. Сорокин, А. Кобак, О. Кувалдина. Москва: Издательство Фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина»; РОССПЭН, 2013. С. 94–101; *Гнедовский М.Б.* Трудное наследие в постсоветских музеях // XX век: культура памяти: материалы к межрегиональной научной конференции «XX век: культура памяти (рефлексии и образы)» (Пермь, 17 июня 2016 г.) / под редакцией О.Л. Лейбовича. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2016. С. 12–24; *Sodaro A.* Exhibiting atrocity. Memorial museums and the politics of past violence. New Brunswick; Camden and Newark, NJ; London: Rutgers University Press, 2018; *Ambrosewicz-Jacobs J.* Remembrance and education about the Holocaust and Gulag crimes at selected museums and memorial sites in the context of learning from the past and human rights education // *Studia nad Autorytaryzmem i Totalitaryzmem*. 2018. Vol. 40, is. 3. P. 65–85; *Хлевнюк Д.* Почувствовать права человека: аффект в музеях памяти // Политика аффекта: музей как пространство публичной истории / под редакцией А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. С. 106–122.

⁷ *Стаф В.С.* Мемориализация «негативного наследия» в современной России на материале лагерных музеев в Пермском крае // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 183–187; *Skulskiy D.* When memorials cease to commemorate: The Museum of the History of Political Repression in Tomsk as a place of non-patriotic remembering // *Museum and Society*. 2019. Vol. 17, № 3. P. 422–436; *Стаф В.С.* Томский музей «Следственная тюрьма НКВД»: проблемы мемориализации ГУЛАГа // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7, № 3. С. 791–800.

⁸ *Williams P.* Treading difficult ground: The effort to establish Russia's First National Gulag Museum // National museums and the negotiation of difficult pasts: Conference proceedings from EuNaMus, Identity Politics, the Uses of the Past and the European Citizen (Brussels, 26–27 January 2012) / edited by D. Poulot, J.M. Lanzarote Giral, F. Bodenstein. Linköping: Linköping University Electronic Press, 2012. EuNaMus Report № 8. P. 111–121; *Постная Е.* Музей истории ГУЛАГа как отражение травматического опыта // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2016. Т. 8, № 12. С. 68–79.

⁹ *Гнедовский М.Б.* Страдание как экспонат, или Музей строгого режима // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: материалы

процесс осмысления негативного наследия в условиях смещения общественного дискурса в сторону патриотической риторики был назван российскими историками «битвой за прошлое» и «битвой за правду», а само прошлое получило эпитет «неудобного»¹⁰. Как справедливо заметил И.И. Курилла, «в России прошлое до сих пор влияет на общество – война и репрессии не оставлены позади, а остаются актуальными референтными точками в современных спорах»¹¹. Следует отметить, что данное обстоятельство оказывает определенное влияние и на коммеморативные практики музеев памяти, о чем будет сказано ниже.

Краткий обзор современной литературы показывает, что, несмотря на пристальное внимание российских и зарубежных исследователей к проблеме изучения «трудного прошлого» и его репрезентации в музейном пространстве, проблема коммеморации в деятельности российских музеев памяти относится к числу малоизученных, хотя эти музеи широко используют коммеморативные практики в экспозиционной, выставочной, образовательной и воспитательной работе. Основное внимание автора данной статьи направлено на выявление, анализ и обобщение коммеморативных практик музеев памяти в контексте реализации Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий¹². Источниковую базу исследования составляют опубликованные материалы о деятельности Ассоциации российских музеев памяти, ежегодные отчеты Фонда памяти и Музея истории ГУЛАГа, статьи газеты «30 октября», информационно-аналитическая литература о музейных проектах, ориентированных на проработку и преодоление трудного «негативного

международной научной конференции (Москва, 28–29 октября 2011 г.) / под редакцией Л.И. Бородкина и др. Москва: РОССПЭН, 2013. С. 366.

¹⁰ *Ферретти М.* Расстройство памяти: Россия и сталинизм // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 5 (61). С. 40–54; *Полян П.М.* Историомор, или Трепанация памяти. Битва за правду о ГУЛАГе, депортациях, войне и Холокосте. Москва: АСТ, 2016; *Эткинд А.* Кривое горе. Память о непогребенных / перевод с английского В. Макарова. Москва: Новое литературное обозрение, 2016; *Эппле Н.* Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. Москва: Новое литературное обозрение, 2020; *Курилла И.И.* Битва за прошлое. Как политика меняет историю. Москва: Альпина Паблицер, 2021 и др.

¹¹ *Курилла И.И.* Битва за прошлое. Как политика меняет историю. С. 229.

¹² Концепция государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 августа 2015 г. № 1561-р // Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека. URL: http://www.president-sovet.ru/docs/normative_initiatives/kontseptsiya_gosudarstvennoy_politiki_po_uvekovecheniyu_pamyati_zhertv_politicheskikh_repressiy/ (дата обращения: 25.06.2022).

наследия». Методологическую основу исследования определяют новые познавательные стратегии, сформулированные П. Нора в концепции «мест памяти». Французский историк отмечал: «Чем меньше память переживаема внутренне, тем более она нуждается во внешней поддержке и в осязаемых точках опоры, в которых и только благодаря которым она существует»¹³. В исторической памяти одной из таких «точек опоры» стали музеи памяти.

Основная часть

Музеи памяти – это особая группа музеев, каждый из которых посвящен событию, оставившему в памяти людей тяжелый травмирующий след¹⁴. В числе таких трагических событий могут быть случаи геноцида, депортаций, массовых репрессий и др. Этим музеи памяти отличаются от мемориальных музеев, целью которых по российской музейведческой традиции является «увековечение памяти о выдающихся исторических событиях, государственных и общественных деятелях, представителях науки, культуры и искусства»¹⁵. Музеи памяти – явление относительно новое, причем не только для российского социокультурного пространства, но и для зарубежного¹⁶.

Начало музеям памяти положили мемориальные комплексы, посвященные Второй мировой войне и Холокосту, затем стали появляться музеи памяти жертв диктаторских режимов в Аргентине, Чили, Камбодже, памяти жертв войны во Вьетнаме и т.д. После распада СССР на территориях его бывших союзных республик, а также стран Восточного блока стали создаваться памятные места, музеи, музейные экспозиции, посвященные жертвам политических репрессий, геноцида и депортаций¹⁷. Для осуществления культурного взаимодействия между этими музейными институциями Международный совет музеев (ИКОМ) учредил в 2001 г. профильный Международный комитет мемориальных музеев памяти жертв государственных преступлений (International Committee of Memorial Museums

---

¹³ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П. и др. Франция – память. С. 28–29.

¹⁴ Williams P. Memorial museums. The global rush to commemorate atrocities. Oxford; New York: Berg Publisher, 2007. P. 8.

¹⁵ Мемориальные музеи // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. / составители А.А. Сундиева и др. Москва: Прогресс; РИПОЛ КЛАССИК, 2001. Т. 1. С. 356.

¹⁶ Иванова О.В., Юренева Т.Ю. Российские музеи памяти: пути становления и основные этапы развития // Культурное наследие России. 2021. № 4 (35). С. 86–97.

¹⁷ Ченайтене Р. Музей Homo sovieticus в Вильнюсе: способы и проблемы репрезентации советского периода // 1929: «Великий перелом» и его последствия: материалы XII Международной научной конференции (Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г.) / под редакцией А.К. Сорокина. Москва: РОССПЭН, 2020. С. 629–642.

in Remembrance of the Victims of Public Crimes – ICMEMO). ИКОМ определил основную цель этого нового комитета следующим образом:

поддерживать память истории, а также развивать будущее культурное взаимодействие через обучение и использование полученных знаний в интересах мира¹⁸.

Спустя 10 лет был принят Международный устав мемориальных музеев, определивший 10 основных принципов коммеморации в этих музеях. Среди названных в Уставе принципов поминовения отметим наиболее актуальные для российских музеев памяти:

- Работа мемориальных музеев основана на научных принципах.
- Информация, которую передают выставки, публикации и образовательные проекты, должна вызывать сочувствие к жертвам – к конкретным людям и группам, которые намеренно подвергались преследованиям. Интерпретации не должны вызывать чувств мести, ненависти и обиды между разными группами жертв.
- Исторический опыт необходимо включать в исторический контекст без преуменьшения личных страданий людей.
- Должна быть освещена и точка зрения преступников, виновных в свершившемся. Преступников не следует демонизировать, но их действия следует объяснять идеологией, целями или мотивами.
- Мемориальные музеи, расположенные в исторически аутентичных местах, где совершались преступления, дают огромные возможности для исторического и гражданского образования, но здесь есть и большие риски. Именно поэтому мемориальные музеи в своей образовательной работе должны скорее ориентироваться на общие принципы, нежели стремиться привести посетителя к согласию с содержанием. Это означает, что не нужно перегружать посетителей и что-то внушать им, что следует уважать субъективную точку зрения и что к противоречивым предметам следует относиться как к противоречивым.
- Работа мемориальных музеев как музеев современной истории всегда сопряжена с критикой собственной истории, эту самокритику необходимо ввести в контекст истории собственной культуры памяти¹⁹.

---

¹⁸ ICMEMO. Международный комитет мемориальных музеев памяти жертв государственных преступлений // ICOM Russia. URL: <https://icom-russia.com/data/mezhdunarodnye-komitety/icmemo/> (дата обращения: 15.06.2022).

¹⁹ Международный устав мемориальных музеев // International Holocaust Remembrance Alliance (IHRA). URL: <https://www.holocaustremembrance.com/ru/resources/working-definitions-charters/mezhdunarodnyy-ustav-memorialnykh-muzeev> (дата обращения: 15.06.2022).

Создание первых музейных экспозиций и выставок, посвященных жертвам ГУЛАГа и политических репрессий, началось в России на рубеже 1980–1990-х гг., когда были приняты нормативные акты, направленные на восстановление справедливости в отношении жертв массовых репрессий. В связи с утверждением 18 октября 1991 г. закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» Верховным Советом РСФСР в тот же день было принято Постановление об установлении Дня памяти жертв политических репрессий. Таким ежегодным общенациональным днем памяти объявлялось 30 октября. Эта памятная дата была выбрана не случайно. В 1974 г. борющиеся за свободу и права человека диссиденты объявили 30 октября Днем политзаключенного в СССР, что продемонстрировало, насколько серьезно независимое общественное мнение относится к проблеме репрессий. В последующие годы в мордовских и пермских местах лишения свободы, во Владимирской, а затем и в Чистопольской тюрьме этот день ежегодно отмечался голодовками и другими акциями протеста политических заключенных²⁰.

Политика перестройки сделала день 30 октября одним из главных событий публичной коммеморации массовых репрессий в Российской Федерации, таковым он остается и в настоящее время. В последние годы существования СССР широкое распространение получили монументальные практики коммеморации. За период с 1989 по 1991 г. по инициативе общественных организаций и нередко местных администраций по всей стране было установлено более 130 памятников и памятных знаков жертвам политических репрессий²¹. Эти памятники и памятные знаки, музейно-мемориальные комплексы и другие места памяти становились локальными центрами коммеморативных мероприятий. В обществе начал формироваться, а затем и воплощаться в жизнь запрос на музеи памяти, которые не боялись бы включать «в зону своей ответственности человеческие трагедии и гуманитарные катастрофы»²². К началу 2010-х гг. в России насчитывалось около 400 государственных, общественных и ведомственных музеев, в которых тема ГУЛАГа и сталинских репрессий была представлена с большей или меньшей полнотой²³.

Становление и развитие российских музеев памяти шло параллельно с реализацией крупных коммеморативных проектов, например, таких как мемориальный комплекс «Бутовский полигон», расположенный в 10 км к югу

²⁰ Редакционный комментарий // 30 октября. 2000. № 10. С. 1.

²¹ Иванова Г.М. История ГУЛАГа: 1918–1958. Москва: РОССПЭН; Музей истории ГУЛАГа, 2015. С. 7.

²² Гнедовский М.Б. Трудное наследие в постсоветских музеях. С. 15.

²³ Флиге И.А. Визуальные образы ГУЛАГа и террора в музейных экспозициях. С. 94.

от Москвы, где в 1930–1940-е гг. совершались массовые расстрелы и где захоронено свыше 20 тысяч человек. Постепенно в общественном пространстве современной России начала складываться инфраструктура коммеморации, сформировался комплекс коммеморативных ритуалов и акций, что в некоторой степени способствовало решению проблемы дефицита внимания к теме репрессий и репрессированных.

Нередко в публичных коммеморативных мероприятиях принимали участие официальные должностные лица. Чаще всего это случалось в рамках юбилейных коммемораций. Так, 30 октября 2007 г., в День памяти жертв политических репрессий и в год 70-летия Большого террора, Бутовский полигон посетил Президент России В.В. Путин. «Это знаковое событие... Мы рассчитываем, что чиновники в регионах увидят в поездке президента внимание к теме политического террора в СССР»²⁴, – так прокомментировал данное событие общественный деятель А.Б. Рогинский. Акт официальной коммеморации репрессий с участием высшего должностного лица в государстве привлек внимание прессы и телевидения, что оказало положительное влияние на решение вопросов, связанных с актуализацией памяти о трагических событиях.

Для реализации в России наиболее значимых коммеморативных проектов и создания «точек опоры» исторической памяти большое значение имело принятие Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий, которая была утверждена распоряжением Правительства РФ от 15 августа 2015 г. и рассчитана на период до 2019 г. включительно. В марте 2019 г. срок действия Концепции продлили еще на пять лет. Этот нормативный акт определил основные направления, формы и методы деятельности по увековечению памяти жертв политических репрессий, среди которых значительное место отводилось работе в музейно-мемориальной сфере.

Широкие возможности для межмузейного и культурного взаимодействия в сфере коммеморации открыл экспозиционно-выставочный проект «От Соловков до Колымы», реализованный в 2015–2018 гг. в Государственном музее истории ГУЛАГа (ГМИГ) в Москве. Развернутая в рамках этого проекта широкомасштабная выставка «Национальная память о ГУЛАГе» включала в себя более ста предметов из двадцати пяти региональных музеев, связанных памятью о ГУЛАГе²⁵. На выставке, ставшей, по сути, первой экспозицией ГМИГ в новом здании, в которое Музей переехал в 2015 г., были представлены

²⁴ Редакционный комментарий // 30 октября. 2007. № 80. С. 1.

²⁵ От Соловков до Колымы. Каталог выставки «Национальная память о ГУЛАГе». Москва: Музей истории ГУЛАГа, 2016.

экспонаты из разных уголков России, что расширяло пространство музейной коммеморации до масштабов всей страны.

Витрина с самодельными масками, изготовленными заключенными для защиты лица от мороза и ветра. Между 1948 и 1953 г.
Экспонаты выставки «Национальная память о ГУЛАГе», предоставленные
ГБУ Ямало-Ненецкого автономного округа «Ямало-Ненецкий окружной
музейно-выставочный комплекс имени И.С. Шемановского».
Источник: цифровой архив Государственного музея истории ГУЛАГа

Важным событием в истории российских музеев памяти стал научно-практический семинар «От Соловков до Колымы: память о ГУЛАГе в музейных собраниях современной России», организованный Музеем истории ГУЛАГа 31 октября – 1 ноября 2015 г. в рамках открытия новой экспозиции. В мероприятии приняли участие исследователи и сотрудники музеев из Воркуты, Дудинки, Инты, Йошкар-Олы, Кеми, Лабытнанги, Москвы, Назрани, Перми, Салехарда, Санкт-Петербурга, Сегежи, Сургута, Сусумана, Сыктывкара, Томска, Ухты, Хандыги, поселка Ягодное Магаданской области. Семинар проводился при поддержке Московского центра музейного развития и был посвящен современным практикам создания музеев памяти в России и за рубежом, обмену опытом в сфере коммеморации и перспективам разработки

совместных проектов. Он положил начало Ассоциации музеев памяти, создание которой инициировал Музей истории ГУЛАГа²⁶.

«Объединяемся, чтобы сохранить память о жертвах политических репрессий», – таким девизом руководствуются музеи, объединившиеся в 2015 г. в Ассоциацию российских музеев памяти. В настоящее время в Ассоциации состоят 36 музеев, представляющие 29 российских городов и поселений. Члены этой общественной музейной институции имеют возможность:

- общими усилиями восполнять пробелы в информации о жертвах репрессий, получив доступ к интервью и предметам из фондов других музеев;
  - обмениваться методиками сбора, хранения и предъявления экспонатов, связанных с ГУЛАГом;
  - ежегодно встречаться с коллегами из других музеев и экспертами, занимающимися темой ГУЛАГа, реализовывать совместные проекты²⁷.
- Действуя по принципу «осознание вместо забвения», члены Ассоциации видят музей одним из самых подходящих мест для коммеморативных практик с целью сохранения исторической памяти о массовых репрессиях. Членство в Ассоциации повышает статус музеев в местном сообществе, особенно в российской глубинке, помогает консолидировать независимое общественное мнение, подчеркивает важность музейных практик по увековечению памяти жертв репрессий. Благодаря Ассоциации, российские региональные музеи памяти получают финансовую, информационную, экспертную и другую поддержку Фонда Памяти.

Фонд «Увековечения памяти жертв политических репрессий», сокращенно Фонд Памяти, учрежден Государственным музеем истории ГУЛАГа и зарегистрирован 18 апреля 2016 г. с целью содействия реализации Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий. Согласно Уставу, Фонд аккумулирует частные и корпоративные пожертвования, привлекает целевое государственное финансирование и направляет средства на реализацию проектов по сохранению памяти об истории массовых репрессий, происходивших в СССР в 1918–1956 гг. Фонд инициирует и поддерживает проекты по пяти основным направлениям:

- сохранение материального наследия массовых репрессий (мемориализация уцелевших объектов лагерной инфраструктуры, мест

---

²⁶ Музей истории ГУЛАГа. Годовой отчет. 2015 год / под редакцией А. Стадинчук. Москва: Государственный музей истории ГУЛАГа, 2016. С. 79.

²⁷ Объединяемся, чтобы сохранить память о жертвах политических репрессий // Ассоциация музеев памяти. URL: <http://memorymuseums.ru/> (дата обращения: 15.06.2022).

массовых захоронений и объектов, возведенных с использованием труда заключенных ГУЛАГа, на территории России и бывшего СССР);

– обеспечение доступности документального наследия массовых репрессий (обеспечение цифрового доступа к архивным документам и публикация письменных воспоминаний людей, пострадавших от массовых репрессий);

– сохранение нематериального наследия массовых репрессий (фиксация и публикация устных воспоминаний свидетелей и жертв массовых репрессий);

– увековечение памяти жертв массовых репрессий (создание новых и поддержание в надлежащем состоянии существующих мемориалов, мемориальных знаков и памятников, посвященных жертвам массовых репрессий);

– репрезентация памяти о массовых репрессиях (устройство новых и актуализация существующих выставок, постоянных экспозиций и создание музеев, посвященных массовым репрессиям)²⁸.

Появление Фонда Памяти, миссией которого стало «сохранение памяти о жертвах политических репрессий», придало новый мощный импульс монументальной и музейной коммеморации политических репрессий, сделало возможным осуществление многих музейных проектов и программ не только в крупных городах, но и в небольших городских поселениях, вывело работу региональных музеев памяти на качественно новый уровень.

Одним из наиболее крупных коммеморативных проектов, реализованных в рамках Концепции по увековечению памяти, стало сооружение общенационального памятника жертвам политических репрессий. В 2015 г. Музей истории ГУЛАГа выступил оператором открытого конкурса проектов будущего монумента. Инициатива возведения мемориала принадлежала российским правозащитным организациям и была поддержана главой государства. В течение трех месяцев, с 12 февраля по 15 мая 2015 г., ГМИГ принимал конкурсные заявки. Всего поступило 336 работ, которые были представлены анонимно и оценивались авторитетным независимым жюри и экспертным советом конкурса²⁹. Многие правозащитники относились к этой «затее» весьма скептически, помня, что все предыдущие попытки общественности добиться от государства установления общенационального памятника жертвам репрессий оканчивались неудачей.

16 сентября 2015 г. в Музее Москвы состоялось открытие выставки всех проектов, поступивших на конкурс, а также объявление и награждение десяти финалистов первого этапа конкурса. Имена тройки победителей стали известны 23 сентября. Лучшим был признан проект «Стена скорби» скульптора

²⁸ О фонде // Фонд Памяти. URL: <https://memoryfund.ru/about> (дата обращения: 10.06.2022).

²⁹ Музей истории ГУЛАГа. Годовой отчет. 2015 год. С. 51.

Георгия Франгуляна. 30 сентября 2015 г. был издан Указ Президента РФ «О возведении мемориала жертвам политических репрессий», который «в целях увековечения памяти жертв политических репрессий» постановлял: «Возвести в г. Москве мемориал жертвам политических репрессий по проекту скульптора Г.В. Франгуляна “Стена скорби”»³⁰. В определенном смысле это стало победой тех референтных групп, на социальные ценности которых ориентировались в своей деятельности музеи памяти.

Всероссийская кампания по сбору средств на возведение мемориала жертвам политических репрессий «Стена скорби» стала первым проектом Фонда Памяти. Установка монумента осуществлялась за счет государственных средств и народных пожертвований³¹.

В 2016–2017 гг. Музей истории ГУЛАГа организовал передвижную выставку «Стена скорби», посвященную истории создания монумента. В региональных музеях памяти и мемориальных комплексах выставлялись авторские проекты, поступившие на конкурс, что имело большое коммеморативное значение. А Фонд Памяти организовал всероссийский сбор природных камней из мест, связанных с историей репрессий. Эти камни стали частью мемориала «Стена скорби». Всего в Москву доставили 173 камня из 58 регионов России³². Впоследствии такое участие в сооружении монумента стало предметом гордости региональных музейных сообществ, представители которых знали наперечет все «свои» камни.

Открытие первого общенационального мемориала жертвам политических репрессий «Стена скорби» состоялось 30 октября 2017 г., в год столетия Октябрьской революции, что придавало официальной коммеморации репрессий особый смысл. В церемонии открытия приняли участие Президент Российской Федерации В.В. Путин, Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, мэр Москвы С.С. Собянин, члены Совета по развитию гражданского общества и правам человека, а также представители жертв политических репрессий и общественности. Выступая перед собравшимися, глава государства, в частности, отметил:

Политические репрессии стали трагедией для всего нашего народа, для всего общества, жестоким ударом по нашему народу, его корням, культуре,

---

³⁰ Указ Президента Российской Федерации от 30.09.2015 г. № 487 «О возведении мемориала жертвам политических репрессий» // Правительство Российской Федерации. URL: <http://government.ru/docs/all/103554/> (дата обращения: 20.06.2022).

³¹ Музей истории ГУЛАГа. Годовой отчет. 2016 год / под редакцией А. Стадинчук. Москва: [б. и.], 2016. С. 17.

³² Отчет о работе Фонда Памяти в 2017 году. URL: <https://drive.google.com/file/d/13NMk2VUc3j6BsV-n4j-fgT4rOLey4i4h/view> (дата обращения: 20.06.2022).

самосознанию. Последствия мы ощущаем до сих пор. Наш долг – не допустить забвения. Сама память, четкость и однозначность позиции, оценок в отношении этих мрачных событий служат мощным предостережением от их повторения³³.

Речь президента содержала значительный эмоциональный заряд.

Во многих экспозициях, посвященных истории ГУЛАГа, присутствует в качестве экспоната кусок железнодорожного рельса. И это совсем не случайно. По давней традиции день в лагере начинался и заканчивался под монотонные звуки ударов по рельсу. «В пять часов утра, как всегда, пробило подъем – молотком об рельс у штабного барака», – так начинается рассказ А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Куски рельсов – стальные узкие бруски – в лагерной неволе служили своеобразными колоколами. Именно в таком качестве их используют в настоящее время во многих музейно-мемориальных комплексах. В рельс-колокол ударяют в торжественные моменты открытия новых экспозиций, при проведении общественно значимых коммеморативных акций и в других особо важных случаях.

Коммеморативная акция «Колокол памяти».

Директор Музея истории ГУЛАГа Р.В. Романов ударом в рельс-колокол у «Стены скорби» открыл торжественное мероприятие, посвященное Дню памяти жертв политических репрессий. Москва, 30 октября 2020 г.

Источник: цифровой архив Государственного музея истории ГУЛАГа

³³ Открытие мемориала памяти жертв политических репрессий «Стена скорби» // Администрация Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/55948> (дата обращения: 20.06.2022).

Наибольшую известность в последние годы получил «Колокол памяти», который Музей истории ГУЛАГа устанавливает в День памяти жертв политических репрессий у монумента «Стена скорби». Все желающие могут в этот день возложить цветы, зажечь свечи и почтить память жертв репрессий, ударив в «Колокол памяти» – висящий на цепи лагерьный рельс, привезенный с Соловецких островов. Удар осуществляется металлической балкой, которая была найдена в ходе музейных экспедиций и привезена с территории бывших колымских лагерей³⁴. Аналогичные акции поминовения жертв политических репрессий проходят 30 октября во многих областях Российской Федерации, в них активно участвуют региональные музеи памяти совместно с правозащитными организациями.

Научно-исследовательские экспедиции в места расположения бывших лагерей занимают в коммеморативной деятельности музеев памяти важное место. Целью таких экспедиций является поиск информации о лагерях в изучаемом регионе, сбор артефактов в виде предметов лагерного труда и быта, фотофиксация и видеосъемка исчезающих объектов ГУЛАГа, проведение видеоподобных интервью со старожилами, сохранившими воспоминания о лагерном периоде данной местности. Музейные экспедиции расширяют инфраструктуру коммеморации, дополняя ее новыми местами памяти.

В августе 2015 г. сотрудники Музея истории ГУЛАГа под руководством директора Р.В. Романова осуществили научно-исследовательскую экспедицию в район города Певек Чукотского автономного округа, где в 1930–1950-е годы располагались объекты треста «Дальстрой». Из экспедиции на Чукотку были привезены многие предметы лагерного быта, элементы построек, лагерные документы, личные вещи бывших узников и сотрудников охраны, а также многие другие артефакты, имеющие ценность для Музея истории ГУЛАГа; общий вес объектов составил три тонны³⁵.

Важнейшим результатом экспедиции на Чукотку стало то, что в 2016 г. по инициативе ГМИГ и при поддержке Департамента образования, культуры и спорта Чукотского автономного округа все территории, здания и сооружения бывшего Чаунского ИТЛ «Дальстроя» получили статус памятников истории. Присвоение данного официального статуса дает возможность обеспечить

---

³⁴ Иванова О.В. Железнодорожное строительство как объект лагерной экономики: опыт репрезентации в Музее истории ГУЛАГа // История науки и техники. Музейное дело: вызовы развитию в прошлом и настоящем: материалы XIV Международной научно-практической конференции (Москва, 15–16 декабря 2020 г.) / составители С.Г. Морозова, Т.А. Глушкова. Москва: Политехнический музей, 2021. Вып. 13. С. 475.

³⁵ Музей истории ГУЛАГа. Годовой отчет. 2015 год. С. 109–115.

консервацию строений, охрану территорий, а также доступ для проведения научно-исследовательских работ³⁶.

В августе 2017 г. аналогичная экспедиция была организована Музеем истории ГУЛАГа на территорию бывшего лагеря-рудника «Бутугычаг» в Магаданской области, где с середины 1940-х годов заключенные добывали и обогащали урановую руду для создания советского ядерного оружия. В ходе экспедиции были подробно описаны и зафиксированы все сохранившиеся объекты лагерной инфраструктуры. Осуществляя подобную деятельность, Музей истории ГУЛАГа переводит все теоретические рассуждения историков и культурологов о необходимости сохранения исторической памяти в практическую плоскость, руководствуясь простым правилом: «Чтобы помнить, нужно знать».

Существенную помощь музеям в организации подобных экспедиций оказывает Фонд Памяти, который также содействует мемориализации лагерных объектов и мест массовых захоронений на территории бывшего СССР. В рамках создания единой музейно-мемориальной инфраструктуры, способствующей сохранению памяти о жертвах массовых репрессий, были подписаны соглашения о сотрудничестве с Республикой Коми, Томской и Магаданской областями. Сотрудничество направлено на реализацию совместных экспозиционно-выставочных, информационных и просветительных проектов.

Музей истории ГУЛАГа при поддержке Фонда Памяти совместно с Министерством культуры и туризма Магаданской области ведет работу по развитию историко-культурного комплекса на территории Магаданской области. Комплекс включает бывший штрафной изолятор, а также лагеря «Бутугычаг» и «Днепровский». В Томске закончена реконструкция музея памяти «Следственная тюрьма НКВД». В свое время этот музей был первым в СССР, посвященным жертвам сталинских репрессий. Сейчас он модернизирован с обновлением выставочных модулей и внедрением мультимедийных технологий. На базе Томского областного краеведческого музея имени М.Б. Шатилова создан Центр по изучению исторической памяти³⁷.

Одним из наиболее значимых коммеморативных проектов Музея истории ГУЛАГа и Фонда памяти стал музейно-мемориальный комплекс на территории бывшего спецобъекта НКВД СССР «Коммунарка» (Москва). С сентября 1937 г. по ноябрь 1941 г. на этой территории были захоронены

³⁶ Музей истории ГУЛАГа. Годовой отчет. 2016 год. С. 97–101.

³⁷ Отчет о работе Фонда Памяти в 2019 году. URL: <https://drive.google.com/file/d/12hZwKeV5P1PK8aKAp2pe-VwbFecYEHfK/view> (дата обращения: 20.06.2022).

6 609 чел., расстрелянных по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР. Научные исследования на месте массовых захоронений начались в 2018 г. Под руководством археолога и автора исследования М.О. Жуковского и заведующего кафедрой археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктора исторических наук А.Р. Канторовича был проведен ретроспективный анализ территории спецобъекта с использованием уникальных данных аэрофотосъемки периода Великой Отечественной войны и современных методов компьютерной фотограмметрии. В 2020 г. впервые удалось обозначить контуры мест массовых захоронений. Были обнаружены 130 котлованов общей площадью 1 943 кв. м.

В мае 2021 г. на месте бывшего спецобъекта был открыт Информационный центр «Спецобъект НКВД СССР “Коммунарка”». Здесь представлен исторический материал о Большом терроре в Москве, информация о прошедших на территории «Коммунарки» археологических исследованиях, а также база данных со сведениями о жертвах репрессий, захороненных на территории полигона³⁸. Мемориальный комплекс стал «живым местом памяти» для родственников и потомков тех, чей земной путь закончился на этом спецобъекте. Они едут сюда, возлагают цветы, благодарят за возможность получить столь важную для них информацию.

Рассуждая об интересе к местам памяти, «где память кристаллизуется и находит свое убежище», Пьер Нора писал:

Потребность в памяти есть потребность в истории... Жажда помнить превращает каждого в историка самого себя. Нет семьи, в которой какой-нибудь из ее членов не был бы с недавних пор увлечен стремлением как можно полнее реконструировать скрытые обстоятельства происхождения его семьи. Рост генеалогических изысканий – это феномен недавний и массовый...³⁹

Замечание историка, пожалуй, в наибольшей степени относится к семьям, члены которых были репрессированы.

В 2018 г. Фонд Памяти, Музей истории ГУЛАГа и ВЦИОМ представили результаты всероссийского опроса об изучении семейной истории в контексте сталинских репрессий. Исследование показало, что 93 % россиян интересуются историей своей семьи, но почти половина опрошенных не занимаются ее изучением (42 %). 47 % молодого населения России никогда не слышали о репрессиях. При этом 91 % тех, у кого есть репрессированные

³⁸ Отчет о работе Фонда Памяти в 2021 году. URL: <https://drive.google.com/file/d/16Nt0vpCoct-X1NynZeRSI1vHw2-k5uuu/view> (дата обращения: 20.06.2022).

³⁹ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. С. 17, 32, 33.

родственники, узнали о репрессиях в своей семье из рассказов близких. У многих родственники до сих пор не реабилитированы (37 %) ⁴⁰.

Одна из целей, которой руководствовался Музей истории ГУЛАГа, открывая в 2017 г. при поддержке Фонда Памяти Центр документации, заключалась в том, чтобы помочь людям удовлетворить их потребность в памяти и реконструировать скрытые обстоятельства, касающиеся семейной истории. На сегодняшний день Центр документации является частью музейного пространства, где посетители могут получить базовую информацию о том, как, где, в какой последовательности вести поиск сведений о жертвах политических репрессий. Сотрудники центра регулярно проводят мастер-классы и семинары, знакомящие посетителей с методикой поиска и основами работы с историческими документами, делятся опытом взаимодействия с государственными структурами, которые могут помочь в изучении истории семьи.

Широкий общественный резонанс получил коммеморативный проект «Урок Памяти», ставший победителем фестиваля Интермузей–2019 в номинации «Лучший образовательно-просветительский проект» ⁴¹. Музей истории ГУЛАГа в сотрудничестве с педагогическими структурами подготовил серию методических материалов и рекомендаций. Уроки памяти, рассказывающие о периоде массовых репрессий в СССР, проводились не только в Москве, но и в регионах, и хотя они смогли охватить не столь широкую аудиторию, какую имеют официальные коммеморативные мероприятия, все же эта музейная инициатива, несомненно, нуждается в поддержке и продвижении.

Коммеморативные практики музеев памяти привлекают людей всех возрастов, в том числе и подростков. Руководитель Образовательного центра ГМИГ К.А. Андреев справедливо считает, что «молодые люди, вовлеченные в музейные проекты, – это огромный потенциал». Музей истории ГУЛАГа работает с одной из самых сложных исторических тем и всегда находится в процессе поиска языка общения с подростками. В основе многих подростковых программ Музея лежит работа с историческими документами, артефактами – как личного происхождения, так и характеризующими историю всей страны. По мнению Андреева,

подростки, которые осознают, что изучение исторических источников – это не только урок истории, но и возможность более глубоко понять

---

⁴⁰ Отчет о работе Фонда Памяти в 2018 году. URL: <https://drive.google.com/file/d/1r3bpAC4YD46g-6WTmW8PgaUuaVbleU7w/view> (дата обращения: 20.06.2022).

⁴¹ Отчет о работе Фонда Памяти в 2019 году. URL: <https://drive.google.com/file/d/12hZwKeB5P1PK8aKAp2pe-VwbFecYEHfK/view> (дата обращения: 20.06.2022).

время, научиться работать с источниками личного происхождения, которые могут храниться в семье, могут применять полученные знания и умения в жизни более осознанно⁴².

Одной из первых программ, которая уже в течение нескольких лет реализуется в музее совместно с проектом «Прожито», стала «Лаборатория «Прожито»», ориентированная на расшифровку и прочтение дневников.

Особый интерес в плане коммеморации представляет творческая лаборатория «Отпечатки». Эта программа объединяет подростков, создающих печатные книги после долгого и кропотливого изучения печатных техник, а также после полноценной работы над историческими документами, хранящимися в Музее истории ГУЛАГа, связанной с их осознанием и интерпретацией. Документы и экспонаты Музея являются свидетельствами истории конкретных семей.

Большой популярностью у подростков пользуется программа «Молодежный экспедиционный корпус», направленная на активное изучение истории страны. Ее коммеморативный потенциал заключается в подготовке старшеклассников к экспедиционным поездкам в места, связанные с историей ГУЛАГа. Особенностью программы является высокий уровень мотивации подростков к выездам, путешествиям, приключениям. По итогам первых встреч участники говорили о том, что

им важно принять участие в программе, так как они считают необходимым что-то сделать для сохранения памяти жертв политических репрессий⁴³.

Не всегда коммеморативные практики музеев памяти, в том числе и Музея истории ГУЛАГа, встречают понимание и поддержку со стороны местных администраций. Как отмечал И.И. Курилла,

у большинства россиян существует запрос на “позитивный образ прошлого”, но позитив все воспринимают по-разному⁴⁴.

Часто для обоснования намеченных к реализации проектов требуется предъявить соответствующую доказательную базу из нормативных

---

⁴² Андреев К. Такие разные музеи, такие разные подростки // Логинова А.И. и др. Подросток в музее: Как кураторы и тьюторы помогают людям найти себя / под редакцией Э.С. Крылова. Б. м.: Издательские решения, 2020. С. 56, 69, 71.

⁴³ Андреев К. Такие разные музеи, такие разные подростки. С. 80.

⁴⁴ Курилла И.И. Битва за прошлое. Как политика меняет историю. С. 21.

документов (федеральные законы, Концепция по увековечению памяти жертв политических репрессий, официальные письма и т.п.), а также провести предварительную работу с государственными служащими на местах. Органы местной власти порой весьма настороженно относятся к инициативам по увековечению памяти жертв политических репрессий, досконально разбираются, кто является инициатором, организатором такого рода событий и проектов. Так, состоявшаяся в июле 2022 г. экспедиция в Воркуту, организованная Немецким молодежным объединением и Музеем истории ГУЛАГа с целью поиска информации о судьбах российских немцев (трудармейцев и заключенных Воркутлага), получила поддержку со стороны городской администрации только после того, как соответствующие письма были направлены в различные органы исполнительной власти Республики Коми. Благодаря открытой, компетентной, деятельной и продуманной позиции участников экспедиции, им удалось найти общий язык и взаимопонимание с городскими властями, руководством компании «Воркутауголь» и государственных учреждений культуры – архива, театра, библиотеки, которые способствовали реализации экспедиционного проекта: выделили автотранспорт, предоставили возможность организовать финальные мероприятия в городской библиотеке, привлекли местные СМИ, участвовали в качестве спикеров организованных мероприятий. Участники экспедиции получили полезный опыт сотрудничества с государственными структурами и отработали алгоритм взаимодействия с органами власти для достижения целей экспедиции и работы с трудной темой.

Выше были представлены достаточно традиционные коммеморативные практики (в той или иной степени характерные для всех музеев памяти), однако кроме них у Музея истории ГУЛАГа имеется и специфический опыт – создание на своей территории мемориального Сада памяти, названного в прессе «Садом расходящейся боли»⁴⁵.

Сад Памяти задуман как продолжение музейной экспозиции. Его мемориальную часть составляют деревья, камни и кустарники, привезенные с Соловецких островов, Кавказа, Казахстана, Урала, Колымы и Дальнего Востока. История каждого дерева, куста или камня-валуна в Саду памяти тесно связана с судьбами заключенных, с местами, где совершались казни или где осужденные отбывали наказание. Так, клен остролистный – это память о расстрельном полигоне «Коммунарка», лиственница сибирская и кедровый стланик – о лагере «Бутугычаг», окатанные валуны – о Соловецких островах. Многие деревья посажены родственниками жертв репрессий в память о своих

---

⁴⁵ Курилова А. Сад расходящейся боли // Коммерсантъ. 17.10.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5038976> (дата обращения: 10.06.2022).

близких. В центре экспозиции размещена вышка, привезенная с территории бывшего лагеря «Днепровский». Этот уникальный музейный экспонат представляет собой типичный и неизменный атрибут лагерной архитектуры.

Лагерная вышка с территории рудника «Днепровский», где заключенные практически вручную добывали олово. Между 1941 и 1955 г.
Привезена с территории бывшего лагеря «Днепровский» в Магаданской области (2017 г.).
Источник: цифровой архив Государственного музея истории ГУЛАГа

К одной из опор вышки прикреплен рельс, ставший в музейном пространстве рельсом-колоколом. Потомки репрессированных надеются, что Сад сохранит память об истории страны для будущих поколений.

Заключение

Анализируя сложную взаимосвязь между памятью и историей, П. Нора писал:

Игра памяти и истории формирует места памяти, взаимодействие этих двух факторов приводит к их определению друг через друга. Прежде всего необходимо желание помнить⁴⁶.

Именно этот посыл – возбуждать в обществе «желание помнить» – и является отправной точкой в работе музеев памяти.

---

⁴⁶ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. С. 40.

Реализация Концепции государственной политики по увековечению памяти жертв политических репрессий заметно активизировала коммеморативную деятельность музеев памяти. Для многих из них задача реализации Концепции стала приоритетной. Участвуя в федеральных проектах по развитию музейного дела, сотрудники локальных музеев памяти стремятся получить больше возможностей для продвижения своих выставочных проектов и экспозиций, наладить обмен опытом с коллегами, чтобы выйти на межрегиональный, а затем и на международный уровень сотрудничества.

Современная внешнеполитическая обстановка затруднила, но не исключила взаимодействие музеев памяти с международным сообществом. В июне 2022 года Музей истории ГУЛАГа принял участие в ежегодной конференции The Best in Heritage как победитель Музейной премии Совета Европы 2021. Модератор конференции, доктор Йенс Бойтманн из Государственного музея археологии Хемница (Германия) провел онлайн-интервью с заместителем директора Музея истории ГУЛАГа А.Д. Стадинчук⁴⁷. Немецкого коллегу интересовали вопросы об истории создания и миссии Музея, особенностях его новой постоянной экспозиции, а также отношении российского общества к истории сталинских репрессий. Этот факт свидетельствует о сохраняющемся в обществе запросе на изучение тоталитарных режимов и их жертв.

Сейчас во всем мире наблюдается повышенный интерес к проблеме политического террора, не стала исключением в этом тренде и Россия. О возросшем интересе к теме репрессий свидетельствует заметно увеличившийся за последние месяцы поток посетителей в Музей истории ГУЛАГа. Об этой же тенденции сообщали и коллеги из Венгрии. «Дом террора» в Будапеште, экспозиция которого посвящена трагическим периодам тоталитарной истории Венгрии, уже давно не наблюдал такого наплыва посетителей, как в последнее время (наблюдениями поделился преподаватель школы при российском посольстве в Будапеште д.и.н. А.В. Захарченко).

Ориентированные на репрезентацию и преодоление «трудного прошлого», музеи памяти широко используют коммеморативные практики в экспозиционной, выставочной, образовательной и воспитательной работе. Данная группа музеев, представляющих собой институции нового типа, является важным ресурсом для функционирования коммеморации как

---

⁴⁷ См. подробнее: Deputy Director for Development at the Gulag History Museum Anna Stadinchuk talks to TBIH's Jens Beutmann about this Moscow based institution that won The Council of Europe Museum Prize 2021 // The Best in Heritage. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=QQBNeItrx0s> (дата обращения: 01.08.2022).

социокультурного феномена, сохраняющего в общественном сознании память о наиболее значимых событиях «трудного прошлого».

Некоторые современные исследователи полагают, что музеям памяти, не связанным непосредственно с аутентичными памятными местами, грозит опасность «потерять эмоциональную связь, которая поддерживается именно привязкой к определенному месту, а также связь с собственной историей»⁴⁸. Думается, что такие опасения не имеют под собой оснований. Музеи памяти с их богатыми коллекциями артефактов, документов, видеоинтервью современников становятся в жизни общества «главными бастионами мест памяти», ибо, по утверждению П. Нора, «все места памяти – это отдельные предметы, отсылающие к памяти как к целому»⁴⁹.

Анализ всего спектра коммеморативных практик музеев памяти позволяет сделать вывод о том, что музейная коммеморация обладает высоким воспитательным и образовательным потенциалом, реализация которого способствует решению многих нравственных и социокультурных задач.

---

⁴⁸ Дубина В. Виртуальное место памяти и реальное пространство ГУЛАГа в современной России // Политика аффекта: музей как пространство публичной истории / под редакцией А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. С. 328.

⁴⁹ Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. С. 27, 43.

Introduction

The phenomenon of commemoration in all its diversity was first analyzed in the early 1980s by the French historian Pierre Nora. Theoretical reflections on this phenomenon led the author of the concept of sites of memory to the conclusion that now the whole epoch is turning into a commemorative one.¹ In the Russian historical and culturological tradition, commemoration refers to the acts of perpetuating the memory of a person or event, remembrance, anniversary celebration, or memorialization of something in order to preserve memory. In world historiography, this range of problems considered in the context of the study of historical memory, socio-cultural identity, mass culture, monumental politics, and the history of Soviet political repression in the countries of the former USSR.² The works of Russian specialists also explore the educational and pedagogical potential of commemorative practices, their role in museum activities and in pedagogy, and

---

¹ P. Nora, "The age of Commemoration" [in Russian], in P. Nora et al., *France – memory*, trans. D. Khapaeva (St Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999), 95–150.

² R.J. Abram, "Harnessing the power of history," in *Museums, society, inequality*, ed. R. Sandell (London: Routledge, 2002), 125–41; G. Black, "Museums, memory and history," *Cultural and social history*, vol. 8, no. 3 (2011): 415–27; Z. Bogumił, "Stone, cross and mask: Searching for language of commemoration of the Gulag in Russian Federation," *Polish Sociological Review*, vol. 177, no. 1 (2012): 71–90; A.Yu. Kleitman, "'The age of commemoration': mnemonic foundations of socio-cultural identity" [in Russian], in *Memory and memorials: proceedings of the seminar conducted by Volgograd State University and the Kennan Institute of the Woodrow Wilson International Center for Scholars, April 21, 2011*, ed. I.I. Kurilla, is. 3 (Volgograd: VolGU, 2012), 29–46; I.I. Kurilla, "Historical memory and public commemoration" [in Russian], in *Memory and memorials: proceedings of the seminar conducted by Volgograd State University and the Kennan Institute of the Woodrow Wilson International Center for Scholars, April 21, 2011*, ed. I.I. Kurilla, is. 3 (Volgograd: VolGUI, 2012), 4–12; A.I. Makarov, "The phenomenon of the memorial in the contemporary cultural situation: dysfunction of commemoration" [in Russian], in *Memory and memorials: proceedings of the seminar conducted by Volgograd State University and the Kennan Institute of the Woodrow Wilson International Center for Scholars, April 21, 2011*, ed. I.I. Kurilla, is. 3 (Volgograd: VolGU, 2012), 19–29; D. Fleming, "Museums, human rights, contested histories and excluded communities." *Museum International*, vol. 67, no. 1–4 (2015): 116–24; Ya. Rachinskii, comp., *Rehabilitation and memory. Attitude towards the victims of Soviet repression in the countries of the former USSR* [in Russian] (Moscow: Zven'ya, 2016); Z. Bogumił, *Gulag memories: The rediscovery and commemoration of Russia's repressive past* (New York; Oxford: Berghahn Books, 2018); G.V. Semenova, S.A. Vekilova, and A.S. Polferova, "Commemorative practices and their role in updating historical memory of man in the modern world" [in Russian], *Razvitie cheloveka v sovremennom mire*, no. 3 (2019): 41–47; M.A. Comer, *The Heritage of repression: Memory, commemoration, and politics in post-Soviet Russia* (Doctoral thesis, University of Cambridge, 2019); I.A. Andryushchenko and T.V. Stepantsevich, "Commemorative practices as a mechanism of cultural inheritance in the conditions of mass culture" [in Russian], *MediaVektor*, no. 1 (2021): 7–12; V.V. Bondar' et al., *State monumental policy: experience, contradictions, prospects* [in Russian] (Moscow: Institut naslediya, 2022).

analyze the relationship of communicative trends and commemoration.³ Most of the works describe particular cases of commemoration and consider national or regional rites of public commemoration (memorable dates, anniversaries) in various spheres of public activity. Many authors agree that “the role of commemorative practices in modern culture has not yet been sufficiently studied, although much is being done in this direction.”⁴ This point of view is especially relevant for memorial museums, whose commemorative potential is extremely high and is aimed at perpetuating the memory of victims of political repression.

Researchers often associate the emergence of this category of museums with the emergence of a “new culture of remembrance,” which began to take shape in Europe after the end of the Second World War, when the Holocaust became widely known.⁵ The problem of preserving the memory of victims of totalitarian regimes, inter alia, by means of museum technologies is relevant for many countries. It is reflected in numerous works of both foreign and Russian researchers.⁶ An

---

³ A.V. Aleksandrov, “Appeal to commemorative practices in the exhibition and educational activities of the museum” [in Russian], in *In the world of science and art: issues of philology, art history and cultural studies: a collection of articles based on the materials of the 30th international scientific and practical conference*, ed. A.I. Gulin, no. 11 (30) (Novosibirsk: SibAK, 2013), 13–17; N.I. Churkina, “Commemorative practices in Russian education as a model of historical and pedagogical research” [in Russian], *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, no. 6 (33) (2016): 37–44; E.Yu. Tret'yakova, “A.I. Solzhenitsyn in the South of Russia: memorable places and commemorative practices” [in Russian], in *“Felitsyn readings (XX)”: Problems of preservation, study and museumification of historical, cultural and natural heritage: proceedings of the interregional scientific and practical conference*, ed. T.A. Pavlenko (Krasnodar: Vika-Print, 2018), 278–81; V.E. Naumenko and O.V. Penkina, “Commemorative practices of Kuban museums: preservation of historical memory” [in Russian], in *Innovative techniques in the educational process. Proceedings of the 21st All-Russian Correspondence Scientific and Practical Conference* (Krasnodar: KVVAUL, 2020), 259–63; O.N. Shelegina, “Commemorative practices in museums of local history of the Siberian region” [in Russian], *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, no. 3 (39) (2020): 74–82.

⁴ M.L. Shub, “Modern commemorative practices: educational and pedagogic potential” [in Russian], *Chelyabinskii gumanitarii*, no. 3 (36) (2016): 85.

⁵ S. Sontag, *Regarding the pain of others* (New York: Farrar, Straus and Giroux; Picador, 2003); A. Assman, *The long shadow of the past: memorial culture and historical policy* [in Russian], trans. B. Khlebnikov (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014); A. Assman, “Culture of remembrance” [in Russian], *deutschland.de*, accessed: June 20, 2022, <https://www.deutschland.de/ru/topic/politika/germania-evropa/kultura-pamati>; et al.

⁶ T.M. Duffy, “Museums of ‘human suffering’ and the struggle for human rights,” *Museum International*, vol. 53, no. 1 (2001): 10–16; I.A. Flige, “Visual images of the Gulag and terror in museum expositions” [in Russian], in *History of Stalinism: life in terror. Social aspects of repression: proceedings of the international scientific conference (St Petersburg, October 18–20, 2012)*, comp. A. Sorokin, A. Kobak, and O. Kuvaldina (Moscow: Izdatel'stvo Fonda “Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina”; ROSSPEN, 2013), 94–101; M.B. Gnedovskii, “Difficult heritage in post-

important layer of literature is devoted to specific Russian memorial museums, such as Perm–36, the Tomsk NKVD Prison Museum, the Gulag History Museum in Moscow, and others. Often the authors' own observations, impressions, and assessments were the sources for writing such works.⁷ Some of these publications have lost their topicality due to the changes in the status of museums or their reorganization.⁸

In post-Soviet Russia, the question of how to represent the “difficult past” in the museum space has become particularly relevant due to the fact that as the critical impulse set by Perestroika decayed, first “memory disorder” was clearly identified in society, and then its “fragmentation,” that is, simply put, “there were a lot of memories.”⁹ Russian historians referred to this process of understanding the negative heritage in the context of the shift of public discourse towards patriotic rhetoric as “the battle for the past” and “the battle for the truth,” and the past itself

---

Soviet museums” [in Russian], in *The 20th century: culture of remembrance: proceedings of the interregional scientific conference “The 20th Century: Culture of Remembrance: Culture of Remembrance (Reflections and Images)”* (Perm, June 17, 2016), ed. O.L. Leibovich (Perm: Permskii gosudarstvennyi institut kul'tury, 2016), 12–24; A. Sodaro, *Exhibiting atrocity. Memorial museums and the politics of past violence* (New Brunswick; Camden and Newark, NJ; London: Rutgers University Press, 2018); J. Ambrosewicz-Jacobs, “Remembrance and education about the Holocaust and Gulag crimes at selected museums and memorial sites in the context of learning from the past and human rights education,” *Studia nad Autorytaryzmem i Totalitaryzmem*, vol. 40, is. 3 (2018): 65–85; D. Khlevnyuk, “To feel human rights: affect in memorial museums” [in Russian], in *Politics of affect: the museum as a space of public history*, ed. A. Zavadskii, V. Sklez, and K. Suverina (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019), 106–22.

⁷ V.S. Staf, “Memorialization of the ‘negative heritage’ in modern Russia on the basis of the camp museums in Perm Krai” [in Russian], *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 428 (2018): 183–87; D. Skulskiy, “When memorials cease to commemorate: The Museum of the History of Political Repression in Tomsk as a place of non-patriotic remembering,” *Museum and Society*, vol. 17, no. 3 (2019): 422–36; V.S. Staf, “The Tomsk NKVD Prison Museum: Issues of the memorialization of the Gulag” [in Russian], *Quaestio Rossica*, vol. 7, no. 3 (2019): 791–800.

⁸ P. Williams, “Treading difficult ground: The effort to establish Russia’s First National Gulag Museum,” in *National museums and the negotiation of difficult pasts: Conference proceedings from EuNaMus, Identity Politics, the Uses of the Past and the European Citizen* (Brussels, 26–27 January 2012), ed. D. Poulot, J.M. Lanzarote Guiral, and F. Bodenstein, EuNaMus Report no. 8 (Linköping: Linköping University Electronic Press, 2012.), 111–21; E. Postnaya, “The Gulag History Museum as a reflection of traumatic experience” [in Russian], *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*, vol. 8, no. 12 (2016): 68–79.

⁹ M.B. Gnedovskii, “Suffering as an exhibit, or the High-Security Museum” [in Russian], in *History of Stalinism: Forced labor in the USSR. Economics, politics, memory: proceedings of the international scientific conference* (Moscow, October 28–29, 2011), ed. L.I. Borodkin et al. (Moscow: ROSSPEN, 2013), 366.

has received the epithet “uncomfortable.”¹⁰ As I. Kurilla rightly noted, “in Russia, the past still affects society – the war and repression are not left behind but remain relevant reference points in modern disputes.”¹¹ It should be noted that this circumstance has a certain influence on the commemorative practices of memorial museums, as will be written below.

A brief review of modern literature shows that despite the close attention of Russian and foreign researchers to the problem of studying the “difficult past” and its representation in the museum space, the problem of commemoration in the activities of Russian memorial museums is among the little-studied ones, although these museums widely use commemorative practices in exposition, exhibition, educational and pedagogic work. The author of this article mainly focuses on identifying, analyzing, and generalizing commemorative practices of memorial museums in the context of the implementation of the State Policy Concept for Perpetuating the Memory of Victims of Political Repression.¹² The source base of the research consists of published materials on the activities of the Association of Memory Museums in Russia, annual reports of the Memory Fund and the Gulag History Museum, articles of the newspaper *30 oktyabrya*, information and analytical literature on museum projects focused on studying and overcoming the difficult “negative heritage.” The methodological basis of the research is determined by new cognitive strategies that were formulated by P. Nora in the concept of sites of memory. The French historian wrote: “The less memory is experienced from the inside the more it exists only through its exterior scaffolding and outward signs.”¹³ In historical memory, memorial museums have become one of these scaffolding and outward signs.

---

¹⁰ M. Ferretti, “Memory disorder: Russia and Stalinism”, *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 5 (61) (2002): 40–54; P.M. Polyan, *Historiomor, or trepanation of memory. The battle for the truth about the Gulag, deportations, war and the Holocaust* [in Russian] (Moscow: AST, 2016); A. Etkind, *Warped mourning. Stories of the undead in the land of the unburied* [in Russian], trans. V. Makarov (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016); N. Epple, *An inconvenient past. Memory of state crimes in Russia and other countries* [in Russian] (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020); I.I. Kurilla, *Battle for the past. How politics changes history* [in Russian] (Moscow: Al'pina Publisher, 2021); et al.

¹¹ Kurilla, *Battle for the past*, 229.

¹² “The State Policy Concept for Perpetuating the Memory of the Victims of Political Repression, approved by the order of the Government of the Russian Federation of August 15, 2015 no. 1561-р,” *The Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights*, accessed June 25 2022, http://www.president-sovet.ru/docs/normative_initiatives/kontseptsiya_gosudarstvennoy_politiki_po_uvekovecheniyu_pamyati_zhertv_politicheskikh_repressiy/

¹³ P. Nora, “Between memory and history. Problems of sites of memory” [in Russian], in P. Nora et al., *France – memory*, 17–50.

Main body

Memorial museums are a special group of museums, each of which is dedicated to an event that left a heavy traumatic mark in the people's memory.¹⁴ Such tragic events may include cases of genocide, deportations, mass repression, etc. In the Russian tradition of museum studies, there is a term "memorial museum," which denotes a museum intended "to perpetuate the memory of outstanding historical events, state and public figures, representatives of science, culture and art."¹⁵ Memorial museums as memory museums or museums of remembrance are a relatively new phenomenon for both Russian and foreign socio-cultural space.¹⁶

Memorial complexes dedicated to the Second World War and the Holocaust marked the beginning of the memorial museums in their present sense. Then there appeared memorial museums in remembrance of the victims of dictatorial regimes in Argentina, Chile, Cambodia, in remembrance the victims of the Vietnam War, etc. After the collapse of the USSR, memorials, museums, museum expositions dedicated to the victims of political repression, genocide, and deportations began to be created in the territories of the former union republics and the countries of the Eastern Bloc.¹⁷ The International Council of Museums (ICOM) established the specialized International Committee of Memorial Museums in Remembrance of the Victims of Public Crimes (ICMEMO) in 2001 to facilitate cultural interaction between these museum institutions. The ICOM defined the main purpose of this new committee as follows:

to foster a responsible memory of history and to further cultural cooperation through education and through using knowledge in the interests of peace.¹⁸

Ten years later, the International Memorial Museums Charter was adopted. It defined 10 basic principles of commemoration in these museums. Among the

---

¹⁴ P. Williams, *Memorial museums. The global rush to commemorate atrocities* (Oxford; New York: Berg Publisher, 2007), 8.

¹⁵ "Memorial museums" [in Russian], in *Russian Museum Encyclopedia*, comp. A.A. Sundieva et al., vol. 1 (Moscow: Progress; RIPOL KLASSIK, 2001), 356.

¹⁶ O.V. Ivanova and T.Yu. Yureneva, "Russian museums of memory: ways of formation and main stages of development" [in Russian], *Kul'turnoe nasledie Rossii*, no. 4 (35) (2021): 86–97.

¹⁷ R. Čepaitienė, "Homo Sovieticus Museum in Vilnius: methods and problems of representation of the Soviet period" [in Russian], in *1929: The Great Turn and its consequences: proceedings of the 12th International Scientific Conference (Yekaterinburg, September 26–28, 2019)*, ed. A.K. Sorokin (Moscow ROSSPEN, 2020), 629–42.

¹⁸ "ICMEMO," *International Council of Museums*, accessed June 15, 2022, <https://icom.museum/en/committee/international-committee-for-memorial-museums-in-remembrance-of-the-victims-of-public-crimes/>

principles of remembrance mentioned in the Charter, let us point out those that are most relevant for the Russian memorial museums:

- The work of memorial museums is principally science based.
- Information conveyed in exhibitions, publications and educational projects about historical events should evoke empathy with the victims as individual humans and groups which were specifically targeted for persecution. Interpretation should avoid commemoration in the form of revenge, hate and resentments between different groups of victims.
- Historical experiences have to be integrated into historical contexts without minimizing the personal suffering of individuals.
- The perspective of the perpetrators who committed the crimes has to be addressed. The perpetrators should not be demonized, but rather their ideology, aims and motives should be used to explain their actions.
- Memorial museums located at historically authentic sites where crimes were committed provide an immense opportunity for conducting historical and civic education, but there are also big risks involved. This is why memorial museums need to orient their educational work less towards an agreement about the content and more towards universal principles. These demand that the visitors are not overwhelmed or indoctrinated, that the subjective view of individuals be respected, and that controversial subjects be treated as controversial.
- Memorial museums as contemporary history museums are always engaged in self-criticism of their own history, and have to embed it in a history of their respective remembrance culture.¹⁹

The creation of the first museum expositions and exhibitions dedicated to the victims of the Gulag and political repression began in Russia in the late 1980s – early 1990s, when regulations aimed at restoring justice to victims of mass repression were adopted. In connection with the approval of the Law of the Russian Federation “On the Rehabilitation of Victims of Political Repression” on October 18, 1991, the Supreme Council of the RSFSR adopted a resolution on the establishment of the Day of Remembrance of Victims of Political Repression on the same day. October 30 was declared an annual national day of remembrance. This memorable date was not chosen by chance. In 1974, dissidents fighting for freedom and human rights declared October 30 the Day of the Political Prisoner in the USSR, which demonstrated how seriously independent public opinion treats the problem of repression. In subsequent years, this day was annually marked by hunger strikes and other protest actions of political prisoners in places of

---

¹⁹ “International Memorial Museums Charter,” *International Holocaust Remembrance Alliance (IHRA)*, accessed June 15, 2022, <https://www.holocaustremembrance.com/ru/resources/working-definitions-charters/mezhdunarodnyy-ustav-memorialnykh-muzeev>

confinement of Mordovia and Perm Krai, in the Vladimir prison, and then in the Chistopol prison.²⁰

The policy of Perestroika made the day of October 30 one of the main events of the public commemoration of mass repression in Russian Federation, and it remains like that at present. In the last years of the USSR's existence, monumental practices of commemoration became widespread. During the period between 1989 and 1991, more than 130 monuments and memorials to victims of political repression were erected throughout the country at the initiative of public organizations and local administrations.²¹ These monuments, commemorative signs, memorial museum complexes, and other sites of memory became local centers of commemorative events. The society began to form and then to implement the request for museums of remembrance, which would not be afraid to include "human tragedies and humanitarian disasters in their area of responsibility."²² At the beginning of the 2010s, in Russia there were about 400 state, public, and departmental museums that presented the subject of the Gulag and Stalin's repression more or less completely.²³

The formation and development of Russian memorial museums went in parallel with the implementation of major commemorative projects, such as the Butovo Firing Range memorial complex, which is located 10 km south of Moscow. In the 1930s–1940s, it was a place of mass shootings, and more than 20 thousand people were buried there. Gradually, the infrastructure of commemoration began to take shape in the public space of modern Russia; a complex of commemorative rituals and actions was formed, which to some extent contributed to solving the problem of lack of attention to the topic of repression and repression victims.

Officials took part in public commemorative events quite often. Usually it happened within the framework of anniversary commemorations. For instance, on October 30, 2007, on the Day of Remembrance of the Victims of Political Repression and in the year of the 70th anniversary of the Great Terror, the Butovo Firing Range was attended by President of Russia Vladimir Putin. "This is a landmark event. . . We hope that in the president's trip, the officials in the regions will see attention to the topic of political terror in the USSR,"²⁴ commented A. Roginskii, a social activist. The act of official commemoration of the repression with the participation of the highest official in the state attracted the attention of the

---

²⁰ Editorial comment, *30 oktyabrya*, no. 10, 2000, 1.

²¹ G.M. Ivanova, *History of the Gulag: 1918–1958* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN; Muzei istorii GULAGa, 2015), 7.

²² Gnedovskii, "Difficult heritage," 15.

²³ Flige, "Visual images of the Gulag and terror," 94.

²⁴ Editorial comment, *30 oktyabrya*, no. 80, 2007, 1.

press and television, which had a positive impact on resolving the issues related to updating the memory of tragic events.

The adoption of the State Policy Concept for Perpetuating the Memory of Victims of Political Repression, which was approved by the decree of the Government of the Russian Federation dated August 15, 2015 and designed for the period up to 2019 inclusively, was of great importance for the implementation of the most significant commemorative projects in Russia and the creation of “scaffoldings” for historical memory. In March 2019, the Concept was extended for another five years. This normative act defined the main directions, forms and methods of activities to perpetuate the memory of victims of political repression, among which a significant place was given to work in the sphere of museums and commemoration.

The exposition and exhibition project “From Solovki to Kolyma” that was implemented in 2015–18 at the State Gulag History Museum (GMIG) in Moscow opened up wide opportunities for inter-museum and cultural interaction in the field of commemoration. The large-scale exhibition “National Memory of the Gulag,” which was launched within the framework of this project, included more than one hundred items from twenty-five regional museums associated with the memory of the Gulag.²⁵ The exhibition, which actually became the first exposition of the GMIG in the new building where the Museum moved in 2015, displayed the exhibits from different parts of Russia, thus expanding the space of museum commemoration to the scale of the whole country.

---

²⁵ “From Solovki to Kolyma” [in Russian], in *Catalog of the exhibition “National Memory of the Gulag”* (Moscow: Muzei istorii GULAGa, 2016).

Showcase with handmade masks made by prisoners to protect their faces from frost and wind. Between 1948 and 1953. Exhibits of the exhibition “National Memory of the Gulag”, provided by the State Budgetary Institution of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug “The Shemanovskii Regional Museum and Exhibition Complex I.S. Shemanovskii.”

Source: digital archive of the State Gulag History Museum

The scientific and practical seminar “From Solovki to Kolyma: The Memory of the Gulag in the Museum Collections of Modern Russia,” held by the Gulag History Museum on October 31 – November 1, 2015 as part of the opening of a new exhibition was an important event in the history of Russian memorial museums. The event was attended by researchers and museum workers from Vorkuta, Dudinka, Inta, Yoshkar-Ola, Kem, Labytnanga, Moscow, Nazran, Perm, Salekhard, St Petersburg, Segezha, Surgut, Susuman, Syktyvkar, Tomsk, Ukhta, Khandyga, the village of Yagodnoye in Magadan Oblast. The seminar was held under the auspices of the Moscow Centre for Museum Development and was devoted to modern practices of creating memorial museums in Russia and abroad, exchange of experience in the field of commemoration, and prospects for the development of joint projects. It was the starting point of the Association of Memory Museums, the establishment of which was initiated by the Gulag History Museum.²⁶

“We unite to preserve the memory of the victims of political repression,” that is the motto of the museums that united into the Russian Association of Memory Museums in 2015. Currently, the Association consists of 36 museums representing

²⁶ A. Stadinchuk, ed., *Gulag History Museum. Annual report. 2015* [in Russian] (Moscow: Gosudarstvennyi muzei istorii GULAGa, 2016), 79.

29 Russian cities and settlements. The members of this public museum institution have an opportunity:

- to fill the gaps in the information about the victims of repression by gaining access to interviews and objects from the collections of other museums by joint efforts;
- to exchange methods of collecting, storing, and presenting exhibits related to the Gulag;
- to annually meet with colleagues from other museums and experts dealing with the topic of the Gulag and to implement joint projects.²⁷ Acting on the principle of “awareness instead of oblivion,” members of the Association see a museum as one of the most suitable places for commemorative practices aimed at preserving the historical memory of mass repression. Membership in the Association elevates the status of museums in the local community, especially in the hinterland of Russia, helps to consolidate independent public opinion, and emphasizes the importance of museum practices perpetuating the memory of repression victims. Thanks to the Association, Russian regional memorial museums receive financial, informational, expert and other support from the Memory Fund.

The Fund for Perpetuating the Memory of Victims of Political Repression, abbreviated as the Memory Fund, was established by the State Gulag History Museum and registered on April 18, 2016 in order to promote the implementation of the State Policy Concept for Perpetuating the Memory of Victims of Political Repression. According to its Charter, the Fund accumulates private and corporate donations, attracts targeted state funding and directs funds to implement projects to preserve the memory of the history of mass repression that took place in the USSR in 1918–56. The Fund initiates and supports projects in five main areas.

- Preservation of the material heritage of mass repression (memorialization of the surviving facilities of camp infrastructure, mass graves, and the facilities that were constructed using the labor of the Gulag prisoners in the territory of Russia and the former USSR).
- Ensuring the accessibility of the documentary heritage of mass repression (providing digital access to archival documents and publishing written memoirs of the persons affected by mass repression).
- Preservation of the intangible heritage of mass repression (documentation and publication of oral memoirs of witnesses and victims of mass repression).

---

²⁷ “We unite in order to preserve the memory of the victims of political repression” [in Russian], *Assotsiatsiya muzeev pamyati*, accessed: June 15, 2022, <http://memorymuseums.ru/>

- Perpetuation of the memory of the victims of mass repression (creation of new and maintenance of the existing memorials, memorial signs, and monuments dedicated to the victims of mass repression).
- Representation of the memory of mass repression (arrangement of new and updating of the existing exhibitions, permanent expositions, and creation of museums dedicated to mass repression).²⁸

The emergence of the Memory Fund, whose mission is to “preserve the memory of the victims of political repression,” gave a new powerful impetus to the monumental and museum commemoration of political repression, made it possible to implement many museum projects and programs not only in large cities but also in small urban settlements, and brought the work of regional memorial museums to a qualitatively new level.

One of the largest commemorative projects implemented within the framework of the Concept of Perpetuating Memory was the construction of a national memorial to the victims of political repression. In 2015, the Gulag History Museum acted as the operator of an open competition of projects of the memorial. The initiative to erect the memorial belonged to Russian human rights organizations and was supported by the head of state. For three months, from February 12 to May 15, 2015, GMIG was accepting applications from the contestants. A total of 336 works were submitted anonymously and were evaluated by an authoritative panel of independent judges and by the expert council of the competition.²⁹ Many human rights activists were very skeptical about this “venture,” remembering that all previous attempts by the public to get the state to establish a national monument to the victims of repression failed.

On September 16, 2015, the Moscow Museum hosted the opening of the exhibition of all projects submitted to the competition and the announcement and awarding of ten finalists of its first stage. The names of three winners became known on September 23. The project “Wall of Sorrow” by sculptor Georgy Frangulyan was declared the best. On September 30, 2015, the Decree of the President of the Russian Federation “On the Construction of a Memorial to the Victims of Political Repression” was issued. It said: “In order to perpetuate the memory of the victims of political repression. . . to erect a memorial to the victims of political repression in Moscow according to the design “The Wall of Sorrow” by

---

²⁸ “About the fund” [in Russian], *Fond pamyati*, accessed June 10, 2022, <https://memoryfund.ru/about>

²⁹ Stadinchuk, *Gulag History Museum. Annual report. 2015*, 51.

sculptor G.V. Frangulyan.”³⁰ In a certain sense, it was a victory of those reference groups whose social values were the guidelines on the activities of memorial museums.

The All-Russian campaign to raise funds for the construction of the memorial to the victims of political repression “The Wall of Sorrow” become the first project of the Memory Fund. The memorial was erected at the expense of state funds and public donations.³¹

In 2016–17, the Gulag History Museum organized a travelling exhibition. It was entitled “The Wall of Sorrow” and was dedicated to the history of the memorial. Regional museums and memorial complexes displayed the original designs submitted to the competition, which was of great commemorative importance. The Memory Fund organized an All-Russian collection of natural stones from places associated with the history of repression. These stones became part of the memorial “The Wall of Sorrow”. In total, 173 stones from 58 regions of Russia were delivered to Moscow.³² Subsequently, such form of participation in the construction of the memorial made the regional museum communities proud because they knew where every single stone had come from.

The opening of the first national memorial to the victims of political repression “The Wall of Sorrow” took place on October 30, 2017, in the year of the centenary of the October Revolution, which added special significance to the official commemoration of repression. The opening ceremony was attended by the President of Russia Vladimir Putin, Patriarch Kirill of Moscow and All Russia, Moscow Mayor Sergei Sobyenin, members of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights, and representatives of victims of political repression and the public. Addressing the audience, the head of state noted:

Political repression has become a tragedy for all our people, all our society and dealt a harsh blow to our people, its roots, culture and self-consciousness. We are still feeling its consequences. Our duty is to not let it slip into oblivion. Remembrance, a clear and unambiguous position and assessments with regard to those sad events serve as a powerful warning against their recurrence.³³

---

³⁰ Decree of the President of Russian Federation of September 30, 2015 no. 487 “On the Erection of a memorial to the victims of political repression,” *The Russian Government*, accessed June 20, 2022, <http://government.ru/docs/all/103554/>

³¹ A. Stadinchuk, ed., *Gulag History Museum. Annual report. 2016* [in Russian] (Moscow: [n.p.], 2016), 17.

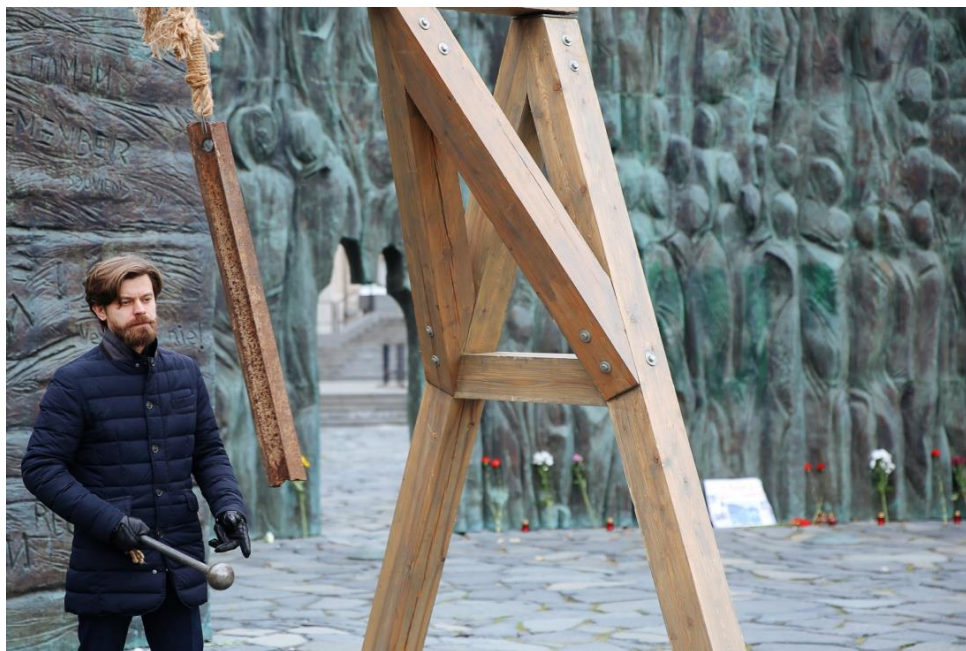
³² Report on the work of the Memory Fund in 2017, accessed June 20, 2022, <https://drive.google.com/file/d/13NMk2VUc3j6BsV-n4j-fgT4rOLey4i4h/view>

³³ “Opening of Wall of Sorrow memorial to victims of political repression,” *Presidential Executive Office*, accessed June 20, 2022, <http://en.kremlin.ru/events/president/news/55948>

The President's speech had a significant emotional spark.

Many expositions devoted to the history of the Gulag display a length of railway rail as an exhibit. This is not accidental at all. According to a long tradition, every day in a camp began and ended with the monotonous sounds of blows on the rail. "At five o'clock that morning reveille was sounded, as usual, by the blows of a hammer on a length of rail hanging up near the staff quarters," this is how A. Solzhenitsyn's story "One Day in the Life of Ivan Denisovich" begins. Fragments of rails – narrow steel bars – served as a kind of bells in the camp captivity. They are currently used in many museum and memorial complexes in this very capacity. The rail-bell is struck at the solemn moments of the opening of new expositions, during socially significant commemorative events, and on other particularly important occasions.

Commemorative action "The Bell of Remembrance."

Director of the Gulag History Museum R. Romanov opened the solemn event dedicated to the Day of Remembrance of Victims of Political Repression by striking the rail-bell at the Wall of Sorrow. Moscow, October 30, 2020

Source: digital archive of the State Gulag History Museum

In recent years, "The Bell of Memory" has become most famous. The Gulag History Museum installs it on the Day of Remembrance of Victims of Political Repression at The Wall of Sorrow. On this day, everyone can lay flowers, light candles, and honor the memory of the victims of repression by striking The Bell of Memory – a camp rail hanging on a chain, brought from Solovki. The blow is delivered with a metal beam, which was found during museum expeditions and

brought from the territory of the former Kolyma camps.³⁴ Similar commemorations of victims of political repression take place on October 30 in many regions of the Russian Federation and regional memorial museums as well as human rights organizations take an active part in them.

Research expeditions to the locations of former camps occupy an important place in the commemorative activities of memorial museums. The purpose of such expeditions is to search for information about the camps in the region under study; to collect artifacts of camp labor and everyday life; to photograph and make video records of disappearing Gulag sites; to conduct video interviews with the old-timers who have preserved memories of the camp period in the area. Museum expeditions expand the infrastructure of the commemoration, complementing it with new sites of memory.

In August 2015, the employees of the Gulag History Museum under the leadership of its director Roman Romanov made a research expedition to the area of the town of Pevek in Chukotka Autonomous Okrug, where the facilities of the Dalstroi trust were located in the 1930s – 50s. Many items of camp everyday life, elements of buildings, camp documents, personal belongings of former prisoners and security personnel, as well as many other artifacts of value to the Gulag History Museum were brought from the expedition to Chukotka; the total weight of the artifacts was three tons.³⁵

The most important result of the expedition to Chukotka was that in 2016, at the initiative of the GMIG and with the support of the Department of Education, Culture and Sports of the Chukotka Autonomous Okrug, all territories, buildings, and structures of the former Chaun ITL of Dalstroi received the status of historical monuments. The assignment of this official status makes it possible to ensure the conservation of buildings, protection of territories, and access for scientific research.³⁶

In August 2017, a similar expedition was organized by the Gulag History Museum to the territory of the former mine camp of Butugychag in Magadans Oblast, where prisoners began to mine and enrich uranium ore for the production of Soviet nuclear weapons in the mid-1940s. During the expedition, all extant facilities of the camp infrastructure were described in detail and documented. Carrying out such activities, the Gulag History Museum translates all the theoretical arguments of historians and

---

³⁴ O.V. Ivanova, "Railway construction as an object of camp economy: the experience of representation in the Gulag History Museum" [in Russian], in *History of science and technology. Museology: challenges to development in the past and present: proceedings of the 14th International Scientific and Practical Conference (Moscow, December 15–16, 2020)*, comp. S.G. Morozova and T.A. Glushkova, is. 13 (Moscow: Politekhnikheskii muzei, 2021), 475.

³⁵ Stadinchuk, ed., *Gulag History Museum. Annual report. 2015*, 109–15.

³⁶ Stadinchuk, ed., *Gulag History Museum. Annual report. 2016*, 97–101.

cultural scientists about the need to preserve historical memory into a practical plane, being guided by a simple rule: to remember, you need to know.

Significant assistance to museums in organizing such expeditions is provided by the Memorial Fund, which also promotes the memorialization of camp sites and mass graves in the territory of the former USSR. As part of the creation of a unified museum and memorial infrastructure that helps to preserve the memory of the victims of mass repression, cooperation agreements were signed with the Republic of Komi, Tomsk Oblast, and Magadan Oblasts. The cooperation is aimed at the implementation of joint exhibition, information and educational projects.

With the support of the Memory Fund, the Gulag History Museum together with the Ministry of Culture and Tourism of Magadan Oblast are working on the development of a historical and cultural complex in the territory of Magadan Oblast. The complex includes a former penal isolation cell and the camps of Butugychag and Dneprovskii. Reconstruction of the NKVD Investigative Prison Memorial Museum has been completed in Tomsk. In its day it was the first museum in the USSR dedicated to the victims of Stalinist repression. Now it is upgraded with the renewal of exhibition modules and the introduction of multimedia technologies. The Centre for the study of historical memory was established on the basis of the M.B. Shatilov Tomsk Regional Museum.³⁷

One of the most significant commemorative projects of the Gulag History Museum and the Memorial Fund was the museum and memorial complex in the territory of ‘Kommunarka’ (Moscow), the former special facility of the NKVD of the USSR. From September 1937 to November 1941, 6 609 people who had been shot by the verdict of the Military Collegium of the Supreme Court of the USSR were buried in its grounds. Scientific research at the site of the mass graves began in 2018. Under the guidance of archaeologist Mikhail Zhukovskii who was the author of the study and Doctor of Historical Sciences Anatolii Kantorovich, Head of the Department of Archaeology of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, a retrospective analysis of the territory of the special facility was conducted using unique aerial photography data from the period of the Great Patriotic War and modern methods of computer photogrammetry. In 2020, it was possible to outline the contours of mass graves for the first time. 130 pits with a total area of 1 943 square meters were discovered.

In May 2021, the Information Centre “Special Facility of the NKVD of the USSR ‘Kommunarka’” was opened on the site of the former special facility. It presents historical material about the Great Terror in Moscow, information about archaeological research that took place in the territory of ‘Kommunarka’, and a

---

³⁷ Report on the work of the Memory Fund in 2019, accessed June 20, 2022, <https://drive.google.com/file/d/12hZwKeB5P1PK8aKAp2pe-VwbFecYEHfK/view>

database with information about victims of repression buried in the territory of the shooting range.³⁸ The memorial complex has become a “living site of memory” for relatives and descendants of those whose earthly journey ended at this special facility. They come here, lay flowers, and express their gratitude for the opportunity to get information that is so important for them.

Talking about the interest in sites of memory, “where memory crystallizes and secretes itself,” Pierre Nora wrote:

The quest for memory is the search for one’s history. . . The task of remembering makes everyone his own historian. . . Indeed, there is hardly a family today in which some member has not recently sought to document as accurately as possible his or her ancestors’ furtive existences. The increase in genealogical research is a massive new phenomenon. . .³⁹

This remark of the historian, perhaps, applies to the greatest extent to the families whose members were repressed.

In 2018, the Memory Fund, the Gulag History Museum and VTSIOM presented the results of an all-Russian survey on the study of family history in the context of Stalinist repression. The study showed that 93% of Russians are interested in their family history, but almost half of the respondents do not study it (42%). 47% of the younger population of Russia have never heard of repression. At the same time, 91% of those whose relatives were repressed learned about the repression in their family from the stories of their relatives. Repressed relatives of many people still have not been rehabilitated (37%).⁴⁰

One of the goals that guided the Gulag History Museum when it opened the Documentation Centre in 2017 with the support of the Memory Fund was to help people meet their need for memory and reconstruct hidden circumstances concerning family history. Today, the Documentation Centre is part of the museum space, where visitors can get basic information about how, where, and in what order to search for information on victims of political repression. The personnel of the Centre regularly conduct workshops and seminars that introduce visitors to the search methodology and the basics of working with historical documents and share their experience in interacting with government agencies that can help in studying family history.

A wide public response was received by the commemorative project “Lesson of Remembrance,” which became the winner of the Intermuseum–2019 festival in the

---

³⁸ Report on the work of the Memory Fund in 2021, accessed June 20, 2022, <https://drive.google.com/file/d/16Nt0vpCoct-X1NynZeRSI1vHw2-k5uuy/view>

³⁹ Nora, “Between memory and history,” 17, 32, 33.

⁴⁰ Report on the work of the Memory Fund in 2018, accessed June 20, 2022, <https://drive.google.com/file/d/1r3bpAC4YD46g-6WTmW8PgaUuaVbIeU7w/view>

nomination “The Best educational and pedagogic project.”⁴¹ The Gulag History Museum in cooperation with pedagogical structures has prepared a series of methodological materials and recommendations. Lessons of remembrance dedicated to the period of mass repression in the USSR were held not only in Moscow but also in the regions, and although they were not able to reach as wide audience as official commemorative events have, this museum initiative undoubtedly needs support and promotion.

Commemorative practices of memorial museums attract people of all ages, including teenagers. Konstantin Andreev, the head of the GMIG Educational Centre, rightly believes that “young people involved in museum projects have a huge potential.” The Gulag History Museum works with one of the most difficult historical topics and is searching for a language of communication with teenagers. Many of the Museum’s teen programs are based on working with historical documents and artifacts, both of personal origin and characterizing the history of the whole country. According to Andreev,

teenagers who realize that the study of historical sources is not only a history lesson but also an opportunity to understand time more deeply, learn how to work with sources of personal origin that can be stored in the family, and can apply the acquired knowledge and skills in life more consciously.⁴²

The Laboratory “Lived Through” (Ladoratoriya “Prozhito”) focuses on deciphering and reading diaries. It is one of the first programs, which have been implemented in the museum for several years in conjunction with the project “Lived through” (Prozhito).

Of particular interest in terms of commemoration is the creative laboratory “Prints” (Otpechatki). This program unites teenagers who create printed books after a long and painstaking study of printing techniques and full-fledged work on historical documents stored in the Gulag History Museum related to their comprehension and interpretation. The documents and exhibits of the museum are evidence of the history of specific families.

The program “Youth Expeditionary Corps” is very popular among teenagers. It is aimed at actively studying the history of the country. Its commemorative potential is to prepare high school students for field trips to places related to the history of the Gulag. A feature of the program is the high level of motivation of teenagers to trips,

---

⁴¹ Report on the work of the Memory Fund in 2019, accessed June 20, 2022, <https://drive.google.com/file/d/12hZwKeB5P1PK8aKAp2pe-VwbFecYEHfK/view>

⁴² K. Andreev, “Such different museums, such different teenagers” [in Russian], in A.I. Loginova et al. *A teenager in a museum: How curators and tutors help people find themselves*, ed. E.S. Krylov. ([N.p.]: Izdatel'skie resheniya, 2020), 56, 69, 71.

travelling, and adventures. Following the results of the first meetings, the participants said that

it is important for them to take part in the program, as they consider it necessary to do something to preserve the memory of the victims of political repression.⁴³

The commemorative practices of memorial museums, including the Gulag History Museum, do not always have understanding and support from local administrations. As I. Kurilla noted,

most Russians have a request for a “positive image of the past,” but everyone perceives the positive in different ways.⁴⁴

Often, in order to justify projects planned for implementation, it is necessary to present an appropriate basis of regulatory documents (federal laws, the Concept for Perpetuating the Memory of Victims of Political Repression, official letters, etc.) and also to conduct preliminary work with local government officials. Local authorities are sometimes very wary of initiatives to perpetuate the memory of victims of political repression and find out as thoroughly as possible who exactly initiates and organizes such events and projects. For instance, the expedition to Vorkuta organized by a German youth association and the Gulag History Museum in order to find information about the fate of Russian Germans (labor armyists and prisoners of Vorkutlag) that was held in July 2022 received support from the city administration only after the relevant letters had been sent to various executive authorities of the Komi Republic. Thanks to the open, competent, active, and thoughtful position of the expedition participants, they managed to find a common tongue and mutual understanding with the city authorities, the management of the Vorkutaugol company and state cultural institutions – the archive, the theatre, and the library, which contributed to the implementation of the expedition project: they allocated vehicles, provided an opportunity to organize final events in the city library, attracted local media, participated in the events as speakers. The participants in the expedition gained useful experience of cooperation with government agencies and developed an algorithm for the interaction with the authorities to achieve the goals of the expedition and work on a difficult topic.

The commemorative practices presented above are quite traditional (they are more or less typical of all memorial museums). Apart from them, the Gulag History

---

⁴³ Andreev, “Such different museums,” 80.

⁴⁴ Kurilla, *Battle for the past*, 21.

Museum also has a specific experience – the creation of the Garden of Memory in its grounds. The press called it “The Garden of Divergent Pain.”⁴⁵

The Garden of Memory was conceived as a continuation of the museum exposition. Its memorial part consists of trees, stones, and shrubs brought from the Solovetsky Islands, the Caucasus, Kazakhstan, the Urals, the Kolyma, and the Far East. The history of each tree, bush or boulder in the Garden of Memory is closely connected with the fate of prisoners, places where executions were carried out, or where convicts served their sentences. For instance, the Norway maple is a memory of the ‘Kommunarka’ shooting range, Siberian larch and Siberian dwarf pine remind of the Butugychag camp, rolled boulders are connected with the Solovetsky Islands. Many trees were planted by relatives of victims of repression in memory of their loved ones. In the center of the exposition there is a tower brought from the territory of the former Dneprovskii camp. This unique museum exhibit is a typical and unchanging attribute of camp architecture.

A camp tower from the territory of the Dneprovskii mine, where prisoners mined tin almost by hand. Between 1941 and 1955

Brought from the expedition of the Gulag History Museum to the territory of the former Dneprovskii camp in Magadan Oblast (2017)

Source: digital archive of the State Gulag History Museum

A rail is attached to one of the supports of the tower. It has become a rail-bell in the museum space. The descendants of the repression victims hope that the Garden will preserve the memory of the country’s history for future generations.

⁴⁵ A. Kurilova, “The garden of divergent pain” [in Russian], *Kommersant*”, October 17, 2021, accessed June 10, 2022, <https://www.kommersant.ru/doc/5038976>

Conclusion

Analyzing the complex relationship between memory and history, P. Nora wrote:

Lieux de mémoire are created by a play of memory and history, an interaction of two factors that results in their reciprocal overdetermination. To begin with, there must be a will to remember.⁴⁶

It is this message – to arouse “a will to remember” in society – that is the starting point in the work of memorial museums.

The implementation of the State Policy Concept for Perpetuating the Memory of Victims of Political Repression has noticeably intensified the commemorative activities of memory museums. For many of them, the task of implementing the Concept has become a priority. By participating in federal projects for the development of museum affairs, employees of local memorial museums strive to get more opportunities to promote their exhibition projects and expositions and to establish exchange of experience with colleagues in order to reach the interregional and then the international level of cooperation.

The current foreign policy situation has made it difficult, but has not stopped the interaction of memorial museums with the international community. In June 2022, the Gulag History Museum took part in the annual conference “The Best in Heritage” as the winner of the Council of Europe Museum Award 2021. The moderator of the conference, Dr. Jens Beutmann from the Chemnitz State Museum of Archaeology (Germany) conducted an online interview with Anna Stadinchuk, Deputy Director of the Gulag History Museum.⁴⁷ The German colleague asked about the history of Museum’s creation and its mission, the features of its new permanent exhibition, and the attitude of Russian society to the history of Stalinist repression. This fact testifies to the continuing demand in society for the study of totalitarian regimes and their victims.

Now there is an increased interest in the problem of political terror all over the world, and Russia is no exception to this trend. The evidence of the increased interest in the topic of repression is the increased flow of visitors to the Gulag History Museum in recent months. The same trend was reported by our colleagues from Hungary. The House of Terror Museum in Budapest, whose exposition is dedicated to the tragic periods of Hungary’s totalitarian history, has not seen such an influx of

---

⁴⁶ Nora, “Between memory and history,” 40.

⁴⁷ For more, see “Deputy Director for Development at the Gulag History Museum Anna Stadinchuk talks to TBIH’s Jens Beutmann about this Moscow based institution that won The Council of Europe Museum Prize 2021,” *The Best in Heritage*, accessed August 01, 2022, <https://www.youtube.com/watch?v=QQBNeItrx0s>

visitors for a long time (Doctor of Historical Sciences A. Zakharchenko, an instructor of Russian Embassy School in Budapest, shared his observations).

Being focused on the representation and overcoming of the “difficult past,” memorial museums widely use commemorative practices in exposition, exhibition, educational and pedagogic work. This group of museums, which are institutions of a new type, is an important resource for the functioning of commemoration as a socio-cultural phenomenon that preserves the memory of the most significant events of the “difficult past” in the public consciousness.

Some modern researchers believe that memorial museums that are not directly associated with authentic memorial sites are in danger of “losing the emotional connection that is maintained by being tied to a particular place and also the connection with their own history.”⁴⁸ It seems that such fears are groundless. Memorial museums with their rich collections of artifacts, documents, and video interviews of contemporaries are becoming the main strongholds of the realms of memory in the life of society because, according to P. Nora, “all *lieux de mémoire* are objects *mises en abîme*.”⁴⁹

The analysis of the entire spectrum of commemorative practices of memorial museums allows us to conclude that museum commemoration has a high educational and pedagogic potential, the implementation of which contributes to the solution of many moral and socio-cultural tasks.

Список литературы

Александров А.В. Обращение к коммеморативным практикам в выставочной и образовательной деятельности музея // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сборник статей по материалам XXX международной научно-практической конференции / под редакцией А.И. Гулина. Новосибирск: СибАК, 2013. № 11 (30). С. 13–17.

Андреев К. Такие разные музеи, такие разные подростки // Логинова А.И. и др. Подросток в музее: Как кураторы и тьюторы помогают людям найти себя / под редакцией Э.С. Крылова. Б. м.: Издательские решения, 2020. С. 51–82.

Андрющенко И.А., Степанцевич Т.В. Коммеморативные практики как механизм культурного наследования в условиях массовой культуры // МедиаВектор. 2021. Вып. 1. С. 7–12.

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / перевод с немецкого Б. Хлебникова. Москва: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Бондарь В.В. и др. Государственная монументальная политика: опыт, противоречия, перспективы. Москва: Институт наследия, 2022. 168 с.

---

⁴⁸ V. Dubina, “The virtual site of memory and the real space of the Gulag in contemporary Russia” [in Russian], in *Politics of affect: the museum as a space of public history*, ed. A. Zavadskii, V. Sklez, and K. Suverina (Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019), 328.

⁴⁹ Nora, “Between memory and history,” 27, 43.

Гнедовский М.Б. Страдание как экспонат, или Музей строгого режима // История сталинизма: Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: материалы международной научной конференции (Москва, 28–29 октября 2011 г.) / под редакцией Л.И. Бородкина и др. Москва: РОССПЭН, 2013. С. 362–369.

Гнедовский М.Б. Трудное наследие в постсоветских музеях // XX век: культура памяти: материалы к межрегиональной научной конференции «XX век: культура памяти (рефлексии и образы)» (Пермь, 17 июня 2016 г.) / под редакцией О.Л. Лейбовича. Пермь: Пермский государственный институт культуры, 2016. С. 12–24.

Дубина В. Виртуальное место памяти и реальное пространство ГУЛАГа в современной России // Политика аффекта: музей как пространство публичной истории / под редакцией А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. С. 320–336.

Иванова Г.М. История ГУЛАГа: 1918–1958. Москва: РОССПЭН; Музей истории ГУЛАГа, 2015. 415 с.

Иванова О.В. Железнодорожное строительство как объект лагерной экономики: опыт репрезентации в Музее истории ГУЛАГа // История науки и техники. Музейное дело: вызовы развитию в прошлом и настоящем: материалы XIV Международной научно-практической конференции (Москва, 15–16 декабря 2020 г.) / составители С.Г. Морозова, Т.А. Глушкова. Москва: Политехнический музей, 2021. Вып. 13. С. 474–480.

Иванова О.В., Юренева Т.Ю. Российские музеи памяти: пути становления и основные этапы развития // Культурное наследие России. 2021. № 4 (35). С. 86–97.

Клейтман А.Ю. «Эпоха коммеморации»: мнемонические основания социокультурной идентичности // Память и памятники: материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом и Институтом Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона 21 апреля 2011 года / под редакцией И.И. Куриллы. Волгоград: ВолГУ, 2012. Вып. 3. С. 29–46.

Куриллы И.И. Битва за прошлое. Как политика меняет историю. Москва: Альпина Паблицер, 2021. 232 с.

Куриллы И.И. Историческая память и публичная коммеморация // Память и памятники: материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом и Институтом Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона 21 апреля 2011 года / под редакцией И.И. Куриллы. Волгоград: ВолГУ, 2012. Вып. 3. С. 4–12.

Курилова А. Сад расходящейся боли // Коммерсантъ. 17.10.2021. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5038976> (дата обращения: 10.06.2022).

Макаров А.И. Феномен памятника в современной культурной ситуации: дисфункция коммеморации // Память и памятники: материалы семинара, проведенного Волгоградским государственным университетом и Институтом Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона 21 апреля 2011 года / под редакцией И.И. Куриллы. Волгоград: ВолГУ, 2012. Вып. 3. С. 19–29.

Мемориальные музеи // Российская музейная энциклопедия: в 2 т. / составители А.А. Сундиева и др. Москва: Прогресс; РИПОЛ КЛАССИК, 2001. Т. 1. С. 356–358.

Науменко В.Е., Пенкина О.В. Коммеморативные практики музеев Кубани: сохранение исторической памяти // Инновационные технологии в образовательном процессе. Сборник материалов XXI Всероссийской заочной научно-практической конференции. Краснодар: КВВАУЛ, 2020. С. 259–263.

Нора П. Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П. и др. Франция – память / перевод с французского Д. Хапаевой. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.

Нора П. Эра коммемораций // Нора П. и др. Франция – память / перевод с французского Д. Хапаевой. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 95–150.

Полян П.М. Историомор, или Трепанация памяти. Битва за правду о ГУЛАГе, депортациях, войне и Холокосте. Москва: АСТ, 2016. 624 с.

Постная Е. Музей истории ГУЛАГа как отражение травматического опыта // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2016. Т. 8, № 12. С. 68–79.

Реабилитация и память. Отношение к жертвам советских репрессий в странах бывшего СССР / составитель Я. Рачинский. Москва: Звенья, 2016. 480 с.

Семенова Г.В., Векилова С.А., Полферова А.С. Коммеморативные практики и их роль в актуализации исторической памяти человека в современном мире // Развитие человека в современном мире. 2019. № 3. С. 41–47.

Стаф В.С. Мемориализация «негативного наследия» в современной России на материале лагерных музеев в Пермском крае // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 428. С. 183–187.

Стаф В.С. Томский музей «Следственная тюрьма НКВД»: проблемы мемориализации ГУЛАГа // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7, № 3. С. 791–800.

Третьякова Е.Ю. А.И. Солженицын на Юге России: памятные места и коммеморативные практики // «Фелицынские чтения (XX)»: Проблемы сохранения, изучения и музеефикации историко-культурного и природного наследия: материалы межрегиональной научно-практической конференции / под редакцией Т.А. Павленко. Краснодар: Вика-Принт, 2018. С. 278–281.

Ферретти М. Расстройство памяти: Россия и сталинизм // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 5 (61). С. 40–54.

Флиге И.А. Визуальные образы ГУЛАГа и террора в музейных экспозициях // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: материалы Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г.) / составители А. Сорокин, А. Кобак, О. Кувалдина. Москва: Издательство Фонда «Президентский центр Б.Н. Ельцина»; РОССПЭН, 2013. С. 94–101.

Хлевнюк Д. Почувствовать права человека: аффект в музеях памяти // Политика аффекта: музей как пространство публичной истории / под редакцией А. Завадского, В. Склез, К. Сувериной. Москва: Новое литературное обозрение, 2019. С. 106–122.

Чепайтене Р. Музей Homo sovieticus в Вильнюсе: способы и проблемы репрезентации советского периода // 1929: «Великий перелом» и его последствия: материалы XII Международной научной конференции (Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г.) / под редакцией А.К. Сорокина. Москва: РОССПЭН, 2020. С. 629–642.

Чуркина Н.И. Коммеморативные практики в российском образовании как метод историко-педагогических исследований // Отечественная и зарубежная педагогика. 2016. № 6 (33). С. 37–44.

Шелегина О.Н. Коммеморативные практики в музеях локальной истории Сибирского региона // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2020. № 3 (39). С. 74–82.

- Шуб М.Л. Современные коммеморативные практики: образовательный и воспитательный потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 80–87.
- Эппле Н. Неудобное прошлое. Память о государственных преступлениях в России и других странах. Москва: Новое литературное обозрение, 2020. 576 с.
- Эткинд А. Кривое горе. Память о непогребенных / перевод с английского В. Макарова. Москва: Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.
- Abram R.J. Harnessing the power of history // *Museums, society, inequality* / edited by R. Sandell. London: Routledge, 2002. P. 125–141.
- Ambrosewicz-Jacobs J. Remembrance and education about the Holocaust and Gulag crimes at selected museums and memorial sites in the context of learning from the past and human rights education // *Studia nad Autorytaryzmem i Totalitaryzmem*. 2018. Vol. 40, is. 3. P. 65–85.
- Black G. Museums, memory and history // *Cultural and Social History*. 2011. Vol. 8, № 3. P. 415–427.
- Bogumił Z. Gulag memories: The rediscovery and commemoration of Russia's repressive past. New York; Oxford: Berghahn Books, 2018. 238 p.
- Bogumił Z. Stone, cross and mask: Searching for language of commemoration of the Gulag in the Russian Federation // *Polish Sociological Review*. 2012. Vol. 177, № 1. P. 71–90.
- Comer M.A. The Heritage of repression: Memory, commemoration, and politics in post-Soviet Russia: Dr thesis in Philos. sci. University of Cambridge, 2019. 253 p.
- Duffy T.M. Museums of 'human suffering' and the struggle for human rights // *Museum International*. 2001. Vol. 53, № 1. P. 10–16.
- Fleming D. Museums, human rights, contested histories and excluded communities // *Museum International*. 2015. Vol. 67, № 1–4. P. 116–124.
- Skulskiy D. When memorials cease to commemorate: The Museum of the History of Political Repression in Tomsk as a place of non-patriotic remembering // *Museum and Society*. 2019. Vol. 17, № 3. P. 422–436.
- Sodaro A. Exhibiting atrocity. Memorial museums and the politics of past violence. New Brunswick; Camden and Newark, NJ; London: Rutgers University Press, 2018. 227 p.
- Sontag S. Regarding the pain of others. New York: Farrar, Straus and Giroux; Picador, 2003. 103 p.
- Williams P. Memorial Museums. The global rush to commemorate atrocities. Oxford; New York: Berg Publisher, 2007. 226 p.
- Williams P. Treading difficult ground: The Effort to establish russia's first national Gulag museum // *National museums and the negotiation of difficult pasts: Conference proceedings from EuNaMus, Identity Politics, the Uses of the Past and the European Citizen (Brussels, 26–27 January 2012)* / edited by D. Poulot, J.M. Lanzarote Guiral, F. Bodenstein. Linköping: Linköping University Electronic Press, 2012. EuNaMus Report № 8. P. 111–121.

References

- Abram, R.J. "Harnessing the power of history." In *Museums, society, inequality*, edited by R. Sandell, 125–41. London: Routledge, 2002.
- Aleksandrov, A.V. "Obrashchenie k kommеморативnym praktikam v vystavochnoi i obrazovatel'noi deyatel'nosti muzeya" [Appeal to commemorative practices in the exhibition and educational activities of the museum]. In *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii: sbornik statei po materialam XXX mezhdunarodnoi nauchno-*

prakticheskoi konferentsii [In the world of science and art: issues of philology, art history and cultural studies: a collection of articles based on the materials of the 30th international scientific and practical conference], edited by A.I. Gulin, no. 11 (30), 13–17. Novosibirsk: SibAK, 2013. (In Russian)

Ambrosewicz-Jacobs, J. “Remembrance and education about the Holocaust and Gulag crimes at selected museums and memorial sites in the context of learning from the past and human rights education.” *Studia nad Autorytaryzmem i Totalitaryzmem*, vol. 40, is. 3 (2018): 65–85.

Andreev, K. “Takie raznye muzei, takie raznye podrostki” [Such different museums, such different teenagers]. In Loginova A.I. et al. *Podrostok v muzee: Kak kuratory i t'yutory pomogayut lyudyam naiti sebya* [A teenager in a museum: How curators and tutors help people find themselves], edited by E.S. Krylov, 51–82. [N.p.]: Izdatel'skie resheniya, 2020. (In Russian)

Andryushchenko, I.A., and T.V. Stepantsevich. “Kommemorativnye praktiki kak mekhanizm kul'turnogo nasledovaniya v usloviyakh massovoi kul'tury” [Commemorative practices as a mechanism of cultural inheritance in the conditions of mass culture]. *MediaVektor*, no. 1 (2021): 7–12. (In Russian)

Assman, A. *Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika* [The long shadow of the past: memorial culture and historical policy]. Translated from German by B. Khlebnikov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. (In Russian)

Black, G. “Museums, memory and history.” *Cultural and Social History*, vol. 8, no. 3 (2011): 415–27.

Bogumił, Z. “Stone, cross and mask: Searching for language of commemoration of the Gulag in the Russian Federation.” *Polish Sociological Review*, vol. 177, no. 1 (2012): 71–90.

Bogumił, Z. *Gulag memories: The rediscovery and commemoration of Russia's repressive past*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2018.

Bondar', V.V. et al. *Gosudarstvennaya monumental'naya politika: opyt, protivorechiya, perspektivy* [State monumental policy: experience, contradictions, prospects]. Moscow: Institut naslediya, 2022. (In Russian)

Čepaitienė, R. “Muzei Homo sovieticus v Vil'nyuse: sposoby i problemy reprezentatsii sovetskogo perioda” [Homo Sovieticus Museum in Vilnius: methods and problems of representation of the Soviet period]. In *1929: “Velikii perelom” i ego posledstviya: materialy XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, 26–28 sentyabrya 2019 g.)* [1929: The Great Turn and its consequences: proceedings of the 12th International Scientific Conference (Yekaterinburg, September 26–28, 2019)], edited by A.K. Sorokin, 629–42. Moscow ROSSPEN, 2020. (In Russian)

Churkina, N.I. “Kommemorativnye praktiki v rossiiskom obrazovanii kak metod istoriko-pedagogicheskikh issledovaniy” [Commemorative practices in Russian education as a model of historical and pedagogical research]. *Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika*, no. 6 (33) (2016): 37–44. (In Russian)

Comer, M.A. *The Heritage of repression: Memory, commemoration, and politics in post-Soviet Russia*. Doctoral thesis. University of Cambridge, 2019.

Dubina, V. “Virtual'noe mesto pamyati i real'noe prostranstvo GULAGa v sovremennoi Rossii” [The site place of memory and the real space of the Gulag in contemporary Russia]. In *Politika affekta: muzei kak prostranstvo publichnoi istorii* [Politics of affect: the museum as a space of public history], edited by A. Zavadskii, V. Sklez, and K. Suverina, 320–36. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. (In Russian)

Duffy, T.M. “Museums of ‘human suffering’ and the struggle for human rights.” *Museum International*, vol. 53, no. 1 (2001): 10–16.

Epple, N. *Neudobnoe proshloe. Pamyat' o gosudarstvennykh prestupleniyakh v Rossii i drugikh stranakh* [An inconvenient past. Memory of state crimes in Russia and other countries]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. (In Russian)

Etkind, A. *Krivoie gore. Pamyat' o nepogrebennykh* [Warped mourning. Stories of the undead in the land of the unburied]. Translated from English by V. Makarov. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. (In Russian)

Ferretti, M. “Rasstroistvo pamyati: Rossiya i stalinizm” [Memory disorder: Russia and Stalinism]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 5 (61) (2002): 40–54. (In Russian)

Fleming, D. “Museums, human rights, contested histories and excluded communities.” *Museum International*, vol. 67, no. 1–4 (2015): 116–24.

Flige, I.A. “Vizual'nye obrazy GULAGa i terrora v muzeinykh ekspozitsiyakh” [Visual images of the Gulag and terror in museum expositions]. In *Istoriya stalinizma: Zhizn' v terrore. Sotsial'nye aspekty repressii: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 18–20 oktyabrya 2012 g.)* [History of Stalinism: life in terror. Social aspects of repression: proceedings of the international scientific conference (St Petersburg, October 18–20, 2012)], compiled by A. Sorokin, A. Kobak, and O. Kuvaldina, 94–101. Moscow: Izdatel'stvo Fonda “Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina”; ROSSPEN, 2013. (In Russian)

Gnedovskii, M.B. “Stradanie kak ekspонат, ili Muzei strogogo rezhima” [Suffering as an exhibit, or the High-Security Museum]. In *Istoriya stalinizma: Prinuditel'nyi trud v SSSR. Ekonomika, politika, pamyat': materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Moskva, 28–29 oktyabrya 2011 g.)* [History of Stalinism: Forced labor in the USSR. Economics, politics, memory: proceedings of the international scientific conference (Moscow, October 28–29, 2011)], edited by L.I. Borodkin et al., 362–69. Moscow: ROSSPEN, 2013. (In Russian)

Gnedovskii, M.B. “Trudnoe nasledie v postsovetskikh muzeyakh” [Difficult heritage in post-Soviet museums]. In *XX vek: kul'tura pamyati: materialy k mezhhregional'noi nauchnoi konferentsii “XX vek: kul'tura pamyati (refleksii i obrazy)” (Perm', 17 iyunya 2016 g.)* [The 20th century: culture of remembrance: proceedings of the interregional scientific conference “The 20th Century: Culture of Remembrance: Culture of Remembrance (Reflections and Images)” (Perm, June 17, 2016)], edited by O.L. Leibovich, 12–24. Perm: Permskii gosudarstvennyi institut kul'tury, 2016. (In Russian)

Ivanova, G.M. *Istoriya GULAGa: 1918–1958* [History of the Gulag: 1918–1958]. Moscow: ROSSPEN; Muzei istorii GULAGa, 2015. (In Russian)

Ivanova, O.V. “Zheleznodorozhnoe stroitel'stvo kak ob"ekt lagernoi ekonomiki: opyt reprezentatsii v Muzee istorii GULAGa” [Railway construction as an object of camp economy: the experience of representation in the Gulag History Museum]. In *Istoriya nauki i tekhniki. Muzeinoe delo: vyzovy razvitiyu v proshlom i nastoyashchem: materialy XIV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 15–16 dekabrya 2020 g.)* [History of science and technology. Museology: challenges to development in the past and present: proceedings of the 14th International Scientific and Practical Conference (Moscow, December 15–16, 2020)], compiled by S.G. Morozova, and T.A. Glushkova, is. 13, 474–80. Moscow: Politekhnikeskii muzei, 2021. (In Russian)

Ivanova, O.V., and T.Yu. Yureneva. “Rossiiskie muzei pamyati: puti stanovleniya i osnovnye etapy razvitiya” [Russian museums of memory: ways of formation and main stages of development]. *Kul'turnoe nasledie Rossii*, no. 4 (35) (2021): 86–97. (In Russian)

Khlevnyuk, D. “Pochuvstvovat' prava cheloveka: affekt v muzeyakh pamyati” [To feel human rights: affect in memorial museums]. In *Politika affekta: muzei kak prostranstvo publichnoi istorii* [Politics of affect: the museum as a space of public history], edited by A. Zavadskii, V. Sklez, and K. Suverina, 106–22. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. (In Russian)

Kleitman, A.Yu. “‘Epokha kommemoratsii’: mnemonicheskie osnovaniya sotsiokul'turnoi identichnosti” [‘The age of commemoration’: mnemonic foundations of socio-cultural identity]. In *Pamyat' i pamyatniki: materialy seminara, provedennogo Volgogradskim gosudarstvennym universitetom i Institutom Kennana Mezhdunarodnogo nauchnogo tsentra im. Vudro Vil'sona 21 aprelya 2011 goda* [Memory and memorials: proceedings of the seminar conducted by Volgograd State University and the Kennan Institute of the Woodrow Wilson International Center for Scholars, April 21, 2011], edited by I.I. Kurilla, is. 3, 29–46. Volgograd: VolGU, 2012. (In Russian)

Kurilla, I.I. *Bitva za proshloe. Kak politika menyaet istoriyu* [Battle for the past. How politics changes history]. Moscow: Al'pina Publisher, 2021. (In Russian)

Kurilla, I.I. “Istoricheskaya pamyat' i publichnaya kommemoratsiya” [Historical memory and public commemoration]. In *Pamyat' i pamyatniki: materialy seminara, provedennogo Volgogradskim gosudarstvennym universitetom i Institutom Kennana Mezhdunarodnogo nauchnogo tsentra im. Vudro Vil'sona 21 aprelya 2011 goda* [Memory and memorials: proceedings of the seminar conducted by Volgograd State University and the Kennan Institute of the Woodrow Wilson International Center for Scholars, April 21, 2011], edited by I.I. Kurilla, is. 3, 4–12. Volgograd: VolGUI, 2012. (In Russian)

Kurilova, A. “Sad raskhodyashcheisya boli” [The garden of divergent pain], *Kommersant'*, October 17, 2021. Accessed June 10, 2022. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5038976> (In Russian)

Makarov, A.I. “Fenomen pamyatnika v sovremennoi kul'turnoi situatsii: disfunktsiya kommemoratsii” [The phenomenon of the memorial in the contemporary cultural situation: dysfunction of commemoration]. In *Pamyat' i pamyatniki: materialy seminara, provedennogo Volgogradskim gosudarstvennym universitetom i Institutom Kennana Mezhdunarodnogo nauchnogo tsentra im. Vudro Vil'sona 21 aprelya 2011 goda* [Memory and memorials: proceedings of the seminar conducted by Volgograd State University and the Kennan Institute of the Woodrow Wilson International Center for Scholars, April 21, 2011], edited by I.I. Kurilla, is. 3, 19–29. Volgograd: VolGU, 2012. (In Russian)

“Memorial'nye muzei” [Memorial Museums]. In *Rossiiskaya muzeinaya entsiklopediya* [Russian museum encyclopedia], 2 vols., compiled by A.A. Sundieva et al., vol. 1, 356–58. Moscow: Progress; RIPOL KLASSIK, 2001. (In Russian)

Naumenko, V.E., and O.V. Penkina. “Kommemorativnye praktiki muzeev Kubani: sokhranenie istoricheskoi pamyati” [Commemorative practices of Kuban museums: preservation of historical memory]. In *Innovatsionnye tekhnologii v obrazovatel'nom protsesse. Sbornik materialov XXI Vserossiiskoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Innovative techniques in the educational process. Proceedings of the 21st All-Russian Correspondence Scientific and Practical Conference], 259–63. Krasnodar: KVVAUL, 2020. (In Russian)

Nora, P. “Mezhdu pamyat'yu i istoriei. Problematika mest pamyati” [Between memory and history. Problems of sites of memory]. In P. Nora et al., *Frantsiya – pamyat'* [France – memory],

translated from French by D. Khapaeva, 17–50. St Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. (In Russian)

Nora, P. “Era kommemoratsii” [The age of Commemoration]. In P. Nora et al., *Frantsiya – pamyat'* [France – memory], translated from French by D. Khapaeva, 95–150. St Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1999. (In Russian)

Polyan, P.M. *Istoriomor, ili Trepanatsiya pamyati. Bitva za pravdu o GULAGe, deportatsiyakh, voine i Kholokoste* [Historiomor, or trepanation of memory. The battle for the truth about the Gulag, deportations, war and the Holocaust]. Moscow: AST, 2016. (In Russian)

Postnaya, E. “Muzei istorii GULAGa kak otrazhenie travmaticheskogo opyta” [The Gulag History Museum as a reflection of traumatic experience]. *Interaktsiya. Interv'yu. Interpretatsiya*, vol. 8, no. 12 (2016): 68–79. (In Russian)

Rachinskii, Ya., comp. *Reabilitatsiya i pamyat'. Otnoshenie k zhertvam sovetskikh repressii v stranakh byvshego SSSR* [Rehabilitation and memory. Attitude towards the victims of Soviet repression in the countries of the former USSR]. Moscow: Zven'ya, 2016. (In Russian)

Semenova, G.V., S.A. Vekilova, and A.S. Polferova. “Kommemorativnye praktiki i ikh rol' v aktualizatsii istoricheskoi pamyati cheloveka v sovremennom mire” [Commemorative practices and their role in updating historical memory of man in the modern world]. *Razvitie cheloveka v sovremennom mire*, no. 3 (2019): 41–47. (In Russian)

Shelegina, O.N. “Kommemorativnye praktiki v muzeyakh lokal'noi istorii Sibirskogo regiona” [Commemorative practices in museums of local history of the Siberian region]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk*, no. 3 (39) (2020): 74–82. (In Russian)

Shub, M.L. “Sovremennye kommemorativnye praktiki: obrazovatel'nyi i vospitatel'nyi potentsial” [Modern commemorative practices: educational and pedagogic potential]. *Chelyabinskii gumanitarii*, no. 3 (36) (2016): 80–87. (In Russian)

Skulskiy, D. “When memorials cease to commemorate: The Museum of the History of Political Repression in Tomsk as a place of non-patriotic remembering.” *Museum and Society*, vol. 17, no. 3 (2019): 422–36.

Sodaro, A. *Exhibiting atrocity. Memorial museums and the politics of past violence*. New Brunswick; Camden and Newark, NJ; London: Rutgers University Press, 2018.

Sontag, S. *Regarding the pain of others*. New York: Farrar, Straus and Giroux; Picador, 2003.

Staf, V.S. “Memorializatsiya ‘negativnogo naslediya’ v sovremennoi Rossii na materiale lagernykh muzeev v Permskom krae” [Memorialization of the ‘negative heritage’ in modern Russia on the basis of the camp museums in Perm Krai]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 428 (2018): 183–87. (In Russian)

Staf, V.S. “Tomskii muzei ‘Sledstvennaya tyur'ma NKVD’: problemy memorializatsii GULAGa” [The Tomsk NKVD Prison Museum: Issues of the memorialization of the Gulag]. *Quaestio Rossica*, vol. 7, no. 3 (2019): 791–800. (In Russian)

Tret'yakova, E.Yu. “A.I. Solzhenitsyn na Yuge Rossii: pamyatnye mesta i kommemorativnye praktiki” [A.I. Solzhenitsyn in the South of Russia: memorable places and commemorative practices]. In “*Felitsynskie chteniya (XX)*”: *Problemy sokhraneniya, izucheniya i muzeefikatsii istoriko-kul'turnogo i prirodnogo naslediya: materialy mezhhregional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [“Felitsyn readings (XX)”: Problems of preservation, study and museumification of historical, cultural and natural heritage: proceedings of the interregional scientific and practical conference], edited by T.A. Pavlenko, 278–81. Krasnodar: Vika-Print, 2018. (In Russian)

Williams, P. "Treading difficult ground: The Effort to establish Russia's first national Gulag museum." In *National museums and the negotiation of difficult pasts: Conference proceedings from EuNaMus, Identity Politics, the Uses of the Past and the European Citizen (Brussels, 26–27 January 2012)*, edited by D. Poulot, J.M. Lanzarote Guiral, and F. Bodenstein, 111–21. EuNaMus Report no. 8. Linköping: Linköping University Electronic Press, 2012.

Williams, P. *Memorial Museums. The global rush to commemorate atrocities*. Oxford; New York: Berg Publisher, 2007.

Информация об авторе

Ольга Валерьевна Иванова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, <https://orcid.org/0000-0001-7994-5688>, olivan@mail.ru, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачёва (д. 18–20–22, Берсеневская наб., 119072 г. Москва, Россия).

Information about the author

Olga V. Ivanova – Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, <https://orcid.org/0000-0001-7994-5688>, olivan@mail.ru, Likhachev Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage (18–20–22, Bersenevskaya nab., 119072 Moscow, Russia).

Статья поступила в редакцию 14.08.2022; одобрена после рецензирования 27.09.2022; принята к публикации 04.10.2022.

The article was submitted 14.08.2022; approved after reviewing 27.09.2022; accepted for publication 04.10.2022.